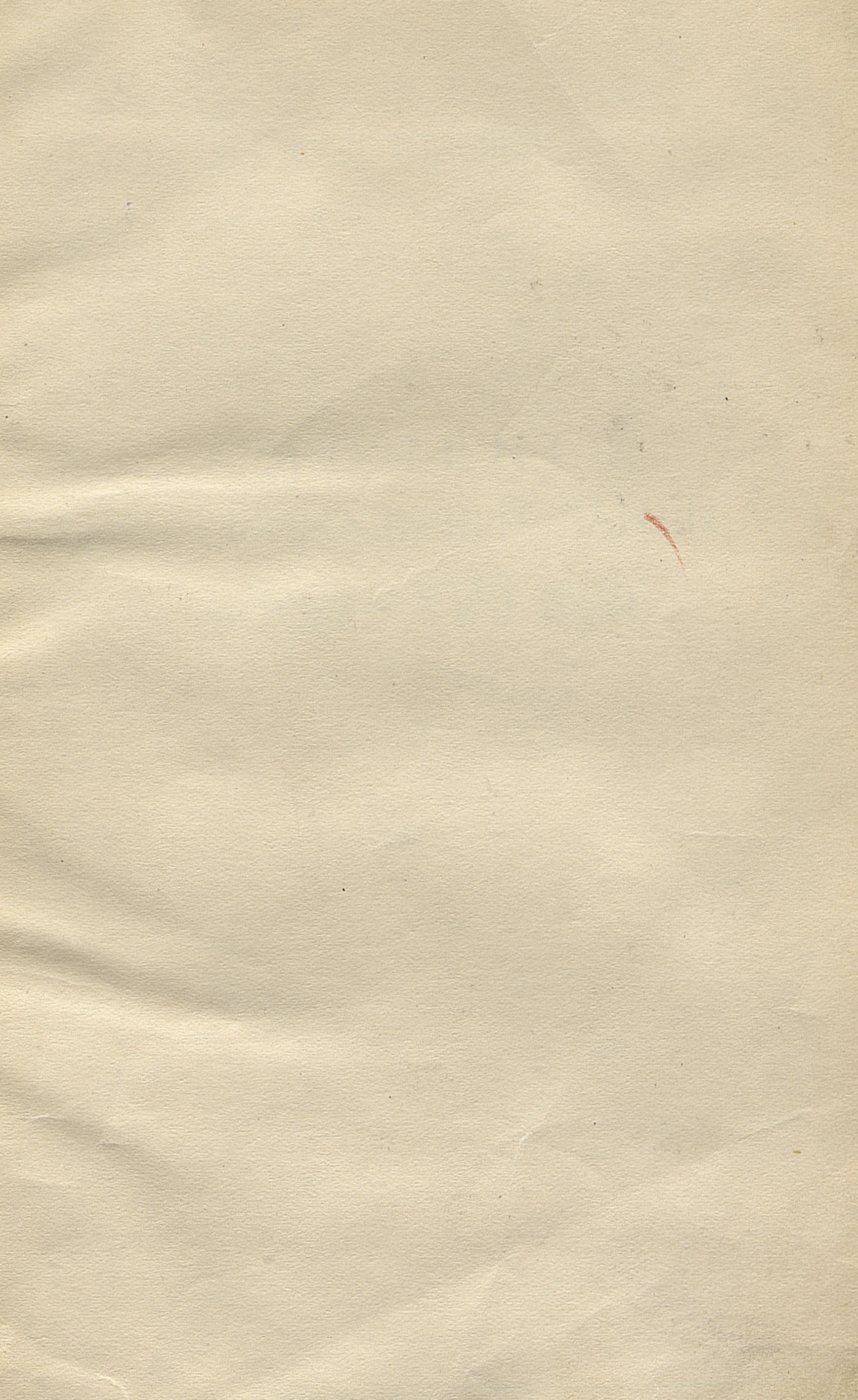

ЗАПАДНОЕ ОБЛАСТНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ

С. Д. ШИРЯЕВ

СМОЛЕНСК И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ В XVI—XVII ВЕКЕ

СМОЛЕНСК 193

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЗАПАДНОГО ОБЛАСТНОГО
...я
...ский.

Запоблит

I. Смоленск и восточно-европейские торговые пути в XVI—XVII веке.

Одной из распространенных форм города Московской Руси XVI—XVII века, эпохи зарождения торгового капитализма и политического абсолютизма, является военно-служилый город, получивший особенно широкое развитие в западных и южных порубежных городах Московского государства. Эти пограничные области носили на оффициальном языке московских приказов общее наименование Украины. Порубежные города Московской Руси, расположенные на границе с Литвой, в верховьях р. Зап. Двины и Днепра, а также по верхнему течению рр. Ловати и Великой, носили название городов «от Литовской Украины»; центрами этой области были Смоленск и Великие Луки. В стратегическом отношении Смоленск лежал в то же время в центре оборонительной линии Московского государства, обращенной в сторону Литвы и Польши.

Область городов «от Литовской Украины», лежавших в узле важнейших торговых дорог восточно-европейской равнины, соединявших Москву с Польшею и Прибалтикой, служила предметом постоянного спора между Московским и Литовско-русским государствами, а затем Польшею. Поэтому, города, расположенные в верховьях рр. Зап. Двины и Днепра, рано приобрели не только торговое значение, но и стали хорошо укрепленными крепостями, на которые опиралась вся система защиты западных границ Московского государства. Из числа крепостей на Литовско-русском рубеже наиболее важное значение имели Смоленск и В. Луки. Значение Смоленска общеизвестно. В XVII веке его считали, по словам Таннера, ключом Москвы (clavis Mosckue); с равным правом, как замечает С. Ф. Платонов [1]), его можно было бы назвать и ключом Литвы, потому что тот, кто им владел, получал возможность распоряжаться и в области верхнего Днепра и в области Зап. Двины. Если же Смоленск стано-

вился операционным базисом против Москвы, то из него был открыт путь не только в самую Москву, но и на Тверь и в Северскую Русь.

Несмотря на то, что Смоленск до конца XVI века имел деревянные стены, он уже в это время являлся, по словам иностранцев (Гербершйтен, Варкоч), одним из наиболее сильно укрепленных городов Московского государства. Флетчер считал Смоленск, на ряду с Псковом, Казанью и Астраханью, одной из важнейших крепостей этой страны [2]). Не следует, впрочем, преувеличивать на основании этих отзывов действительных размеров смоленских укреплений XV—XVI века, имея в виду сравнительное плохое состояние большей части городских укреплений этого времени. Даже Новгород, один из крупнейших городов Московского государства, еще в XV веке, по словам Ланнуа, был окружен стенами, состоящими из простых плетней, наполненных землею, хотя и имел каменные башни [3]).

В противоположность «украинским» или «польским» городам Московской Руси, возникавшим на границе со степью сразу, как военно-стратегические центры и опорные пункты русской колонизации, Смоленск, прежде чем превратиться в грандиозный укрепленный лагерь, которым он стал во второй пол. XVII века, пережил длительный процесс разрушения торгово-промышленного посада. Доминирующей чертой, проходящей через всю историю Смоленска XVI—XVII века, является борьба города—крепости и рынка. Эта борьба, наложившая резкий отпечаток на социальный ландшафт города, отразилась и на составе городского населения, в котором торгово-промышленные классы постепенно вытесняются военно-служилым элементом. Процесс разрушения посада и развития военно-служилого значения города распадается на три последовательных этапа: первый этап падает на вторую пол. XV и нач. XVI века, второй—захватывает период с 1520-х до 1610-х годов, третий—большую часть XVII века (1610—1700 гг.).

Положение Смоленска в узле торговых дорог, соединяющих Московскую Русь с рынками Польши, Прибалтики и даже Черного моря, вызвало образование в нем крупного складочного пункта, на котором уже в XIII веке производился оживленный обмен восточных пряностей, шелковых тканей и предметов роскоши на изделия западно-европейской индустрии и продукты добывающей промышленности восточно-европейской равнины—воск и меха. Наибольшего развития торговли Смоленск достигает в эпоху расцвета

ганзейской торговли в XIII—пер. пол. XIV века, вслед затем торговые сношения Смоленска с Ригой и немецкими городами переживают постепенный упадок. В сер. XV столетия Смоленск окончательно уступает свое значение Полоцку, который становится почти монопольным рынком для литовско-русской торговли с Ригой. Литовские князья и полоцкие купцы стремятся рядом договоров с Ригою обеспечить за Полоцком преобладание в торговых сношениях с рижским рынком и закрыть для немецких купцов доступ во внутренние русские области [4]). Благодаря этому внешняя торговля Западной Руси постепенно попадает в полную зависимость от Полоцка, вызвав затухание старых торговых центров в верховьях Зап. Двины и Днепра.

Известное значение во второй пол. XV и нач. XVI века Смоленск продолжал сохранять только в восточной торговле между Москвой и Тверью и итальянскими колониями на Черном и Азовском морях—Кафой, Таной и Токатой, пути которой шли через Смоленск и Киев. Это, по словам Михалона Литвина, был важнейший торговый путь, по которому в его время привозились восточные товары из Персии, Индии, Аравии и Сирии в Москву, Псков, Новгород, а также в Швецию и Данию, главным образом в обмен на меха, доставлявшиеся московскими купцами [5]). Однако, участие Смоленска в этой торговле было незначительно и ограничивалось, повидимому, ролью транзитного пункта. Главными экспортными пунктами для Москвы и Твери служили Вязьма и Волочек Вяземский на верхнем Днепре [6]).

Как мы видим, условия, сложившиеся во второй пол. XV века, не были благоприятными для смоленского рынка [7]). В начале XVI века происходит дальнейшее сокращение его торговых оборотов под влиянием открытия под Смоленском военных действий московским великим князем Василием Ивановичем (1512—14 гг.), нанесших сильный удар народному хозяйству края. Присоединение Смоленска к Москве (1514 г.) и затем вывод смоленских купцов в Москву окончательно разрушают в нач. XVI века старые экономические связи этого города [8]). Как видно из речей Мих. Вежгайла, посла великого князя литовского Сигизмунда на Виленском сейме 1523—24 года, литовская торговля с Москвой и литовско-русскими городами, средоточием которой был Смоленск, в это время почти прекратилась. Вежгайла указывал сейму, что купцы «как з великого князства Литовского, так некоторыи с Короны Польское тую дорогу смоленскую вси опустили, а ездят их Рызе со всякими

куплями». Посол вел. кн. Сигизмунда требовал от Виленского сейма «тую дорогу до Рызи заломовати, а ж бы вжо жадин купец тою дорогою ик Рызе не бывал... и всим купцам тою дорогою старой к Москве ездити на Минск и на Смоленск» [9]).

Таким образом, период с сер. XV и до 20-х гг. XVI века развивался под знаком упадка торговли Смоленска как с ганзейскими городами, так и с городами московской и литовской Руси. Вместе с тем данный период и в особенности 1500—1514 гг. были временем усиления военно-стратегической роли Смоленска, как укрепленного пункта на русско-литовском рубеже, в связи с развивавшейся акцией Московского государства в области верхнего Днепра.

Упадок смоленской торговли не мог не вызвать глубокого экономического кризиса, который должен был оказать свое влияние на весь строй городской жизни. Первые симптомы этого кризиса мы встречаем в Смоленске впрочем уже гораздо ранее. Одним из последствий сокращения торговых операций смоленского рынка, вследствие закрытия Полоцком свободного пути для немецких купцов на внутренние русские рынки, вызвавшего упадок местной мелкой промышленности, явилось известное восстание в 1440 году смоленских черных людей—кузнецов, кожемяков, перешевников, мясников и котельников, направленное против литовского наместника Андрея Саковича и смоленских бояр [10]). Действительные причины этого восстания вскрываются из состава принимавших в нем участие черных людей, исключительно ремесленников, связанных с местным экспортным рынком. Это восстание хотя и было подавлено литовским правительством при помощи бояр, но причины, вызвавшие его, продолжали действовать и позднее.

Растущий экономический кризис заставил в конце концов посадское население прибегнуть к наиболее радикальному средству, к выходу из посада и закладничеству за бояр и монастыри. Закладничество особенно широко развивается к концу XV и в нач. XVI века, заставив обратить на себя внимание литовского правительства. В привилее Смоленской земле 1505 года мы находим специальную статью, запрещающую боярам смоленским «в закладни людей... приймати». Стремясь положить предел выходу из посада, привилей 1505 года в то же время был вынужден предоставить городскому населению целый ряд финансовых льгот [11]). Вместе с тем, решительно борясь с закладничеством смоленских мещан и черных людей за бояр и мона-

стыри, литовское правительство поощряет колонизацию Смоленска пришлым населением из-за рубежа и заселение посадских слобод тяглецами из Москвы и Твери. Так, в 1494 году смоленскому епископу было разрешено «звати люди с зарубежья и садити их по его землям звечным церковным» [12]). К этому же времени, повидимому, относится и возникновение в Смоленске слободок смоленского епископа, населенных москвичами и тверичами, упоминаемых в привилее Смоленской земли 1505 года.

Некоторое оживление смоленского рынка наступает только во второй четверти XVI века. В 1526 году между Москвою и Литовским государством был заключен перемирный договор, предусматривавший возобновление свободных торговых сношений между ними. Этот договор должен был благоприятно отразиться и на развитии торговли Смоленска, являвшегося наиболее удобным транзитным пунктом между рынками Литовской и Московской Руси [13]). До сер. XVI века русско-литовская торговля, однако, развивалась слабо. Одну из причин этого явления—разгром корпорации смоленских купцов московским князем Василием Ивановичем мы уже указывали выше. Другим препятствием, задерживавшим рост операций смоленского рынка, являлась конкуренция Полоцка, сосредотачивавшего в своих руках в конце XV—нач. XVI века, по словам Вежгайла, не только рижскую, но и литовско-русскую торговлю. Продолжительная Ливонская война (1558—82 гг.), приведшая к разрушению Полоцка и Подвинских областей, и, в особенности, перемещение в 50—60 гг. XVI века магистральных путей русской торговли на Белое море и нижнюю Волгу, сильно подорвали международное значение торгового пути по Зап. Двине и полоцкого рынка. Тем самым на первый план вновь выдвигался Смоленск, как наиболее удобный складочный рынок для литовско-русской торговли.

Во второй пол. XVI века главное значение для этой торговли приобретает Оршанская дорога или «Польский шлях», шедший в Москву из Вильны на Медник, Борисов, Крупки, Бобр, Толочин, Барань, Оршу и Смоленск. [14]) Последний и ранее принимал участие в литовско-русской торговле. На торговые сношения Смоленска с Тверью, являвшейся одним из крупнейших торговых центров феодальной эпохи, встречаются указания еще в конце XIV и нач. XV века в договорах литовских великих князей Ольгерда (1371 г.) и Витовта (1427 г.) [15]). В XV веке смоленских купцов можно было встретить как на московском рынке,

так и в Вязьме, представлявшей важнейший передаточный пункт литовско-русской торговли [16]). С другой стороны, в это время Смоленск поддерживал связи со многими торговыми городами литовской Руси, главным же образом с Вильной, Мстиславлем, Кричевым и Дорогобужем [17]). Благодаря своему географическому положению Смоленск играл в этих сношениях роль передаточного пункта, служа складочным рынком для товаров, привозившихся из Польши и Литвы во внутренние области Московской Руси. В свою очередь Польша и Литва также служили в данном случае посредниками, доставлявшими на восточно-европейские рынки западные товары: из Фландрии, Франции и Англии—сукна, шелковые ткани и кружева, из Голландии—колониальные товары, металлы и драгоценные камни [18]). Торговое значение Смоленска, как импортного рынка, в особенности возросло после присоединения его в 1514 году к Московскому государству и падения Полоцка. Во второй пол. XVI и нач. XVII века в нем сосредоточилась почти вся торговля, производившаяся через литовско-русскую границу. К концу 80-х гг. XVI века, по словам Флетчера, Смоленск по своим торговым оборотам из всех московских городов уступал только самой Москве, Пскову, Старой Русе и Казани, но стоял выше Новгорода. Торговые пошлины, уплачиваемые им ежегодно, составляли сумму в 8.000 рублей, тогда как даже такие крупные торговые центры, как Москва и Псков, платили не более 12.000 руб. каждый [19]). Но и в это время торговля Смоленска не могла отличаться устойчивостью. Положение купцов, на литовско-русской границе было не безопасно, часто польские и русские власти задерживали купцов и конфисковали их товары [20]).

Для торговых операций литовских и польских купцов в Смоленске в XVI—нач. XVII века существовал особый «литовский гостин двор», устроенный по образцу немецких дворов в Москве и Новгороде [21]). Значение этого двора в особенности возрастало в то время, когда стеснялся или вовсе прекращался доступ литовских и польских купцов во внутренние области Московского государства. Так, в конце 1590-х гг. было запрещено пускать простых литовских торговых людей далее Смоленска «с невеликими товары», а пропускались в Москву лишь «именитые гости с большими товары с узорочными, с камением с дорогим, и с жемчугом и с сукны скорлаты» [22]). В 1663 году московское правительство узнав, что в Москве находятся с товарами литовские купцы из Могилева и Шклова, сделало распоря-

жение о высылке их из Москвы в порубежные города, где единственно и разрешалось им торговать [23]). В этих случаях Смоленск из передаточного пункта обращался в торговый центр.

Характерной чертой торговли Смоленска данного периода является переход ее от форм, господствовавших в эпоху замкнутого феодального хозяйства, к более прогрессивным формам, свойственным начальной стадии развития денежного хозяйства. Правда, торговля и в это время еще сохраняет мелкий ремесленный характер, типичный для эпохи феодализма, но, вместе с тем, мы наблюдаем ряд явлений, свидетельствующих о начавшемся разложении прежней хозяйственной системы и зарождении новых отношений в экономическом быту населения.

Прежде всего, на ряду с старыми торговыми городами, являвшимися центрами отдельных замкнутых экономических районов и в то же время центрами политических об'единений—удельных княжеств, появляются мелкие городские и сельские рынки, указывающие на расширение области торговых отношений и зарождение внутреннего рынка. Уже привилей Смоленской земле 1505 г. знает о регулярных торговых связях, поддерживающихся между Смоленском и окружающими селами, на ряду с торговыми сношениями с мелкими городскими рынками в Мстиславле, Кричеве и Дорогобуже. Главными предметами этой торговли были скот и мясо, частью отпускавшиеся Смоленском в Ригу [24]). Среди сельских и других продуктов, поступавших на продажу на смоленский рынок в нач. XVII века, встречаются: овес, сено, скот, мясо, рыба, сельди, соль [25]). Позднее к ним присоединяются изделия сельских ремесленников. Продажа на смоленском рынке привозной деревянной и глиняной посуды местного изделия, судя по словам Таннера, в его время представляла обычное явление [26]).

В то же время крупное вотчинное хозяйство в XV—XVI веке в Смоленской области начинает все более и более систематически работать на рынок. На ряду с воском, медом и мехами, добывавшимися в боярских и монастырских вотчинах путем хищнической эксплоатации зоологических богатств и составлявших главный предмет вывоза ганзейских купцов из Смоленской земли, все большее значение приобретает экспорт продуктов сельского хозяйства, указывающий на проникновение в последнее денежных отношений. Таким образом в самом сельском хозяйстве постепенно выделяется ряд товарных отраслей, обслуживающих рынок. Уже

в нач. XV века смоленский рынок отправлял в Ригу мясо, скот и рожь, а смоленские черные и красные кожи можно было встретить даже на рынках в Брюгге и Данциге [27]). В середине XVI века в Смоленской области распространяется культура льна и конопли, обрабатывавшихся частью для сбыта на западно-европейские рынки. В 1580-х гг. Смоленск, по словам Флетчера, занимал одно из важнейших мест в Московском государстве по экспорту кожи, сала и пеньки. На ряду с продуктами сельского хозяйства, он отправлял также заграницу большое количество дегтя, гнавшегося в обширных лесах Смоленской области [28]).

Развитие в XV—XVI веке в народном хозяйстве товарных отраслей, работающих на рынок, не представляло исключительного явления для Смоленской области, с аналогичным явлением мы встречаемся и в центральных районах Московского государства. В XVI веке, по наблюдениям М. Н. Покровского, [29]) в Московской Руси происходит «разрушение феодальной вотчины, как самодовлеющего экономического целого». Результатом этого процесса явилось превращение замкнутого вотчинного хозяйства в производящее для рынка, другими словами, появляется товарное хозяйство. В свою очередь развитие товарного производства должно быть тесно связано с другим экономическим явлением—зарождением крупного национального рынка.

Процесс развития менового хозяйства происходил весьма медленно. «Хозяйственный переворот», говорит Н. А. Рожков, „переход к торговому капитализму, образование обширного национального и международного рынка, совершился в России тремя последовательными этапами: первый обнимает собою вторую пол. XVI века; второй—первую пол. XVII века, третий относится ко второй пол. XVII и первой четверти XVII века» [30]). Само собою разумеется, эта хронологическая схема отличается известной условностью и целиком может быть применена только к внутренним областям Московской Руси. Западные районы Московского государства, в особенности область верхнего Поднепровья, рано втянутые в международный торговый оборот, должны были и значительно ранее вступить на путь интенсивного хозяйственного развития, на который более отсталые области переходят с середины XVI века. Приведенные выше данные свидетельствуют о существовании в Смоленской земле товарного хозяйства по крайней мере уже в нач. XVI столетия.

Новые формы экономических отношений, получившие к середине XVI века всеобщее распространение на территории

Московского государства, несли с собою и новые формы политической организации. Рост национально-государственного об'единения и поглощение им мелких замкнутых феодальных вотчин—государств, разбросанных на территории восточно-европейской равнины, был внешним выражением длительного процесса уничтожения экономической изолированности натурального феодально-вотчинного хозяйства и начальной стадией об'единения всей экономической системы, в виде системы торгового капитализма (Лященко) [31]).

Одним из основных фактов истории Московского государства является необычайно быстрый рост его территории. В 20-х гг. XIV века Московское княжество заключало в своих границах не более 6 городов и менее 30 тыс. кв. верст территориальных владений, в нач. XVI века оно насчитывало уже выше 1 милл. кв. верст пространства, а к концу 80-х гг. XVII века Московское государство охватывало уже территорию в 12 милл. кв. верст [32]). Образование обширного национального государства выдвигало задачу организации сильной и обороноспособной сети укрепленных городов; особое значение при этом получали западные и южные окраины Московской Руси, обращенные к Литовско-русскому государству и степи. В XVI—XVII веке на этих рубежах возникают вновь укрепленные линии крепостей, а на месте старых сооружается ряд каменных городов. До нач. XVI века на территории Московского государства существовало не более 3 каменных крепостей — Москва, Псков и Новгород. В 1500—50 гг. были построены каменные стены в Нижнем, Туле, Коломне, Зарайске, Серпухове и Китай-город в Москве; второй период военно-оборонительного строительства падает на 1580—1600 гг., к этому времени относится сооружение Белого города в Москве и новых каменных крепостей в Смоленске и Астрахани.

Каменный город, заложенный в Смоленске в 1596 году московским городовым мастером Федором Савельевым Конем на месте старых деревянных стен, имевший в окружности около пяти верст и 38 каменных башен, представлял одну из самых грандиозных крепостей Европы XVI—XVII в. А. Гваньини и Ст. Немоевский сравнивали смоленские укрепления по их обширности и мощности с замком Варшавы [33]). Описание смоленской крепости в это время имеется также у Петрея де Эрлезунда, Мартина Бера, Жолкевского и Маскевича [34]). Постройка новых смоленских стен была закончена, повидимому, в 1602 году [35]).

Таким образом, период с 20-х гг. XVI века до нач. XVII века характеризуется значительным оживлением русско-литовской торговли через Смоленск, который вновь становится посредником между восточными и западно-европейскими рынками, хотя его торговые обороты и не достигают таких размеров, которые имела ганзейская торговля в годы своего наибольшего расцвета. Вместе с тем, во второй четверти XVI века сильно возрастает военно-стратегическое значение Смоленска, как ключа к торговому пути по Зап. Двине. Московское государство, вступившее на путь развития денежного хозяйства, стремясь найти непосредственный выход на рынки Балтийского моря, опирается на Смоленск, как на исходную базу для захвата Подвинья. Своей кульминации борьба между Москвой и Польшей достигла в эпоху Ливонской войны, закончившейся, как известно, для Московского государства серьезной военной катастрофой.

Перемещение в 50—60-х гг. XVI века очагов внешней торговли Московской Руси, в связи с переходом гегемонии на восточно-европейских рынках к Голландии и Англии, на Белое и Каспийское море, окончательно меняет соотношение сил на западных границах Московского государства. Борьба за Смоленск переходит в новую стадию: все более и более активную роль в ней приобретает Польша, стремящаяся углубить достигнутые успехи в Ливонскую войну и использовать Смоленск, как операционную базу для экономической, а позднее и политической экспансии в порубежных областях Московской Руси, приведшей к войне 1609—11 года и оккупации Смоленска Польшей.

Первостепенное военно-стратегическое значение Смоленской крепости и тревожное положение, в котором находились порубежные области Польши и Московского государства в первой пол. XVII века под угрозою постоянных взаимных нападений, не могли создать благоприятных условий для нормального течения хозяйственной жизни как в самом городе, так и вокруг него. Несмотря на попытки восстановить прежнее торговое значение Смоленска, с которыми мы сталкиваемся в это время, на первом месте здесь был военно-политический интерес, и ему подчинялись все прочие.

В 1611 году Смоленск получил, подобно другим польским и литовским городам, магдебурское право, регулировавшее правовое положение смоленских мещан и намечавшее обширную программу городского строительства, которое должно было содействовать оживлению смоленской тор-

говли и промышленности. Внимательное рассмотрение программы строительства, намеченной привилеями 1611—25 г г. указывает на стремление Польши не только восстановить местную торговлю и промышленность и возобновить угасший экспорт на западно-европейские рынки продуктов добывающей промышленности и сельского хозяйства Смоленской области, но и превратить Смоленск в значительный промышленный центр, связанный с рынками Московской Руси. Смоленские мещане получали привилегию на постройку «дома для складки товаров и чищения воску», который продолжал занимать видное место в местном отпуске заграницу еще и в это время, а также дома или гостиного двора для приезжих купцов и склада их товаров и отдельно гостиного двора для московских купцов. На реке Днепре должны были быть устроены мельницы, бумажный завод и конные фабрики; производство последних едва ли могло быть рассчитано на местный рынок, переживавший период резкой депрессии, и несомненно имело в виду вывоз бумаги и сукон в Москву, ввозившую в конце XVI—XVII вв. в большом количестве указанные товары из Германии, Фландрии и Англии. В то же время, привилей Смоленску на магдебургское право 1611 года предоставлял смоленским мещанам для целей внутренней торговли устроить в городе каменные лавки «по образцу других городов» в Польше и отдельно мясные ряды, пивоварню и винокурню и завести кирпичные заводы. В день Иоанна крестителя и ап. Матфея устанавливались ярмарки, продолжавшиеся четыре недели каждая, еженедельные же торги должны были производиться два раза по средам и пятницам [37]).

В 1625 году Смоленск получил складочное право на все товары, привозившиеся из Московского государства по Вяземскому тракту, которые «не инде где, как только в самом Смоленске складываемы и продаваемы быть имеют». С другой стороны, Польша стремилась возобновить торговые сношения Смоленска с Ригой, и с этой целью мещанам смоленским было позволено устроить «амбары для поклажи товаров, водою привозимых, над рекою Касплею», которая издавна служила перевальным пунктом на пути из Смоленска в Зап. Двину [38]).

Несмотря, однако, на меры, предпринимавшиеся польским правительством к поднятию торговли Смоленска, а также на переселение в этот город купцов и ремесленников из других польских и литовских городов, в первой пол. XVII века экономическая жизнь Смоленска находилась

в упадке [39]). Довольно значительные размеры в это время приобретает только контрабандная торговля с Вязьмой и другими русскими порубежными городами, центром которой стал Смоленск. Контрабандой занимались смоленские мещане и крестьяне иезуитского кляштора в Смоленске. Главными предметами контрабанды служили вино и табак [40]). В особенности большие размеры запустение Смоленска приняло после войны 1633—34 года, во время которой сильно пострадали не только посады, сожженные еще во время осады города в 1609 году и остававшиеся в руинах до конца первой пол. XVII века, но и самый город. Упадок экономической жизни и запустение города были заметны в Смоленске еще в 60-х гг. XVII века. По словам Мейерберга, Смоленск в его время представлял одни развалины [41]).

Ликвидация экономического кризиса наступает только в 60—70-х гг. XVII столетия. С присоединением Смоленска в 1654 году к Московскому государству и возобновлением торговых сношений между Москвою и Польшей, Смоленск вновь становится одним из важных передаточных пунктов между западно-европейскими рынками и Московской Русью. До конца 1670-х годов Смоленск, вместе с другими русскими порубежными городами, имел даже значение монопольного рынка для литовско-русской торговли. Торговые сношения литовских и польских купцов с Москвой были урегулированы только в 1678 году, когда польским подданным было снова разрешено приезжать с товарами в Москву, и был открыт торговый путь для русских купцов по Зап. Двине. Это соглашение было подтверждено и так называемым Венским миром 1686 года [42]).

Торговля Смоленска в это время однако не ограничивается литовскими и московскими рынками, но приобретает и более широкие связи. Как известно, в XVI—XVII веке особенно развивается торговля восточным шелком, который в большом количестве вывозился Англией из Персии на западно-европейские рынки. В 1667 году в Смоленске была основана для торговли персидским шелком армянская торговая компания Стефана Ромодамского и Григория Лусикова, получившая право экспорта шелка за границу, которым она пользовалась до 1673 года [43]). В 80-х гг. XVII века Смоленск вновь получает значение складочного рынка для товаров, ввозившихся в Москву, из Германии. В 1689 году московским правительством была разрешена свободная торговля в Смоленске для прусских купцов из Данцига и Кенигсберга, а в 1697 году аналогичный договор

был заключен в Кенигсберге русскими послами с Бранденбургом [44]). Наиболее оживленный характер в это время приобретает отпускная торговля Смоленска с Ригой и Польшею—хлебом и пенькой, в особенности расширяющаяся в первой четверти XVIII века [45]).

Несмотря на развитие торговых сношений Смоленска с немецкими и польскими рынками, военно-политический интерес продолжал играть доминирующую роль здесь и во второй пол. XVII века. В противоположность Польше, заботившейся больше о развитии промышленности и торговли Смоленска, московское правительство превращает Смоленск почти исключительно в военно-служилый город. В 60—80 гг. XVII века строго централизованная до тех пор военно-оборонительная система Московского государства подверглась коренной реформе, операционный базис военных сил был перенесен из центра на окраины, где были образованы местные полки и пограничные штабы [46]). Смоленск, являвшийся центром одной из важнейших в стратегическом отношении областей Московской Руси, в связи с этим, получил особенно важное военно-административное значение.

В 1660—80-х гг. Смоленск колонизуется военно-служилыми людьми, которые постепенно вытесняют посадское население за черту городских стен, на посад, где сосредотачивается в это время около «гостинного двора» вся внешняя торговля города. На месте бывших посадских дворов в городе вырастают военно-служилые слободы, в которых поселяются пушкари, стрельцы, казаки и полки иноземного строя [47]). К концу XVII столетия под служилые слободы в Смоленске была занята, повидимому, уже большая часть усадебной площади города, превратив его в грандиозный укрепленный лагерь. Следы этих слобод, сохранились до сих пор в названиях отдельных частей города, как например—Солдатская и Офицерская слобода или Донщина за Днепром.

В то же время, на ряду с починкой и восстановлением каменных городовых стен, пришедших к середине XVII века в полный упадок, укрепляется Заднепровский посад, вокруг которого устраивается деревянный острог; позднее, в 1706 г. на месте Заднепровского острога была сооружена земляная фортеция или кронверк, защищавший подступы к Днепровскому мосту, соединявшему крепость с посадом, через который шла дорога на Москву [48]). Свое значение Смоленская крепость сохраняла до самого начала XVIII века (Корб) [49]). Завершением военной реформы, начатой еще

в сер. XVII века, можно считать образование в 1708 году Смоленской губернии, носившей главным образом, военно-административное значение. Стратегическое значение Смоленска постепенно падает после присоединения к России подвинских областей и основания Петербурга. В 1719 году Смоленская военная область и в административном отношении утратила самостоятельность и была присоединена к Рижской губернии.

Таким образом, период 1610—1700 гг. в истории Смоленска характеризуется, несмотря на возрождение во второй пол. XVII века, его экономической деятельности, решительным преобладанием военной службы, которую несет город, над его ролью, как торгового и промышленного центра. Можно даже сказать, что в этот период военно-служилое значение Смоленска выступает особенно ярко, как главенствующая доминанта общественной жизни города, налагая отпечаток на весь его социальный ландшафт.

II. Население и городские промыслы.

Смоленск, по известиям иностранцев, представлял весьма населенный и многолюдный город по европейским масштабам XVI—XVII века. Запустение города, которое отмечал еще Герберштейн [50]) (1526 г.), к концу столетия уже не оставило следов. Мы указывали, что А. Гваньини и С. Немоевский сравнивали в конце XVI и нач. XVII века размеры Смоленска с Варшавой, Кобенцелю же этот город показался даже величиною с Рим, являвшийся в то время одним из крупнейших городов Зап. Европы [51]). Едва ли в данном случае мы имеем дело с обычными преувеличениями иностранцев, проистекающими большею частью из стремления воздействовать на воображение соотечественников описанием мало известной для них Руси. Смоленск, широко раскинувшийся по холмам и в долине Днепра, строения которого перемежались обширными пустырями и возделанными огородами и садами, окруженный многочисленными слободами и селами, действительно должен был производить до своего разрушения в 1609—10 гг. впечатление обширного города.

По численности населения иностранцы считали в конце XV—нач. XVII века Смоленск одним из крупнейших городов Московского государства, сравнивая его с такими центрами, как Новгород и Псков. Поссевин (1581—82 гг.) определял число жителей Смоленска около 20.000 чел. [52]) Эту цифру

можно считать если не точной, то довольно близкой к действительности. То же число жителей Смоленска указывал в 1609 г. и С. Бельский [53]); о значительности населения Смоленска в это время говорят также росписи ратных людей Смоленской Приказной избы 1209—10 гг., изд. Ю. В. Готье.

Таким образом, по численности населения Смоленск должен быть причислен к самым большим средневековым городам Зап. Европы. Так, по К. Бюхеру [54]) главнейшие немецкие города к концу XIV и в XV веке имели следующее количество населения: Любек (к. XIV века) — 22.300; Аугсбург (1475 г.)—18.000; Страссбург (1473—7 гг.)—20.722; Нюренберг (1440 г.)—20.165; Цюрих (1410 г.)—10.500; Франкфурт н/М. (1387 г.)—10.000; Смоленск, Новгород и Псков (по Поссевину, 1581—82 гг.) ок. 20.000.

Позднее население Смоленска, под влиянием наступающего экономического кризиса, значительно сокращается, хотя еще в 20-х гг. XVII века Смоленск показался Петрею де-Эрлезунда городом очень населенным как купечеством, так и простыми людьми [55]). Особенно сильно численность населения Смоленска упала к середине XVII века. В то время как в 1609 году только одни посадские люди вместе с ямщиками могли выставить для защиты города около 2.000 ратных людей, в 1656 году оставалось мещан вместе с недорослями и вдовами всего 200 чел. О размере запустения города говорит и резкое сокращение в это время количества дворов на посадах; так, в Пятницком конце в 1656 году было всего 10 дворов [56]). Во второй пол. XVII века население Смоленска вновь быстро возрастает, главным образом за счет притока служилого населения, так что в 80-х гг. XVII века численность его следует считать не многим менее той, которую указывали иностранцы в конце XVI—нач. XVII века.

В привилеях Смоленской земле XV—нач. XVI века мы встречаем три основных социальных группы, на которые распадалось население Смоленска: военно-землевладельческий класс бояр, мещан и черных людей, к которым, повидимому, относились не только низшие слои посадского населения, но также и люди господарские или крестьяне, жившие в городе [57]). Этот состав населения значительно усложняется уже в первой пол. XVI века. С присоединением Смоленска в 1514 г. к Московскому государству рядом с боярами появляются дворяне и дети боярские, несшие ратную службу со своих поместий в Смоленской области и составлявшие в случае войны земское ополчение. Бояре и дворяне в рассматриваемое нами время уже не составляли постоян-

ного населения города, проживая большею частью в своих селах и только в военное время переезжая в город, в осаду. Для сидения в осаде в Смоленске устраиваются боярские и дворянские осадные дворы. В обычное время на этих дворах жили только одни дворники и сторожа, занимавшиеся на ряду с посадскими людьми промыслами и торговлей [58]). Благодаря этому, военно-землевладельческий класс представляет наименее устойчивую категорию городского населения, в сущности не поддающуюся учету при той системе переписи населения, которая существовала в Московской Руси. Наиболее значительный удельный вес военно-землевладельческий элемент должен был получить в городе в первой пол. XVII века, вследствие сокращения численности посадского населения и заселения Смоленска служилой шляхтой из Литвы и Польши. Часть шляхты продолжала владеть дворами в Смоленске и после присоединения его к Москве, во второй пол. XVII века [59]). Начиная с 1650—60-х гг. военно-землевладельческое население, устроенное к этому времени в дворянские полки, постепенно вытесняется в городах Московского государства правильно устроенными полками иноземного строя и стрельцами.

Другим землевладельческим классом, связанным с городом, были монастыри и епископ, являвшиеся крупными вотчинниками, владевшими населенными селами и слободами как в уезде, так и в самом Смоленске. Та часть монастырей, которая была расположена вне городских стен, так же как и бояре, имела в городе свои осадные дворы. Имея в виду, что в Смоленске в конце XVI—нач. XVII века было 10 монастырей, не считая многочисленных посадских церквей, которых было гораздо более, чем теперь, а также епископского двора с его слугами и детьми боярскими, общее число духовенства и епископских служилых людей должно было быть весьма значительно [60]).

Второй слой городского населения, тесно связанный с военно-землевладельческим классом, составляли боярские, епископские и монастырские люди, сидевшие на их городских землях и занимавшиеся земледелием, а также торгом и ремеслами. Распространение в городе боярских и церковных слободок посадское население стремилось ограничить еще в XV веке. Вследствие ходатайства старосты места Смоленского и мещан в 90-х гг. XV века епископские слободки, существовавшие в Пятницком и Крылошевском концах, на Васильевой горе и на посаде за Днепром, были обращены на посад, взамен чего смоленскому епископу было

разрешено посадить в его слободе за р. Б. Рачевкой «с тыми его людьми, которые теперь там сидят» еще 120 дворов москвичей и тверичей из-за рубежа [61]).

В особенности расширяется церковное землевладение в Смоленске во второй пол. XVI века. В делах Смоленской Приказной избы 1609 года упоминается уже целый ряд таких слободок, возникших как в городе, так и на посадах. Кроме архиепископской слободы за р. Рачевкой, населенными слободками владели монастыри—Авраамиевский, Спасский, Архангельский, Петровский, Покровский, Духовской и Троицкий. По осадной росписи 1609 года все эти слободки должны были выставить 290 ратников, при чем только одна архиепископская слобода давала 178 чел. [62]). Большая часть названных слободок, выжженная перед осадой Смоленска в 1609—11 гг., в позднейшее время запустела.

К этой же группе посадского населения должны быть отнесены также закладники, посадские тяглецы, заложившиеся за бояр и монастыри, с целью выхода из посадского тягла. Закладничество широко развивается преимущественно в период экономического кризиса, переживавшегося Смоленском во второй пол. XV и нач. XVI века. Отражение борьбы посадского населения с закладничеством мы встречаем уже в привилее Смоленской земле 1505 года [63]).

Третью и основную группу городского населения составляли мещане или посадские люди. Численность посадского населения Смоленска в XVI—нач. XVII века установить в настоящее время невозможно, за отсутствием более или менее полных цифр. Весьма ценным для этой цели могли бы быть сотенные списки посадских ратных людей Смоленской Приказной избы 1609 года, в которые вошло, повидимому, все взрослое мужское население посада, однако они сохранились только в отдельных отрывках [64]). Сводные же росписи смоленского гарнизона по башням Смоленской стены того же времени, как видно из сличения их с сохранившимися отрывками сотенных списков, дают неполный состав ратных посадских людей. Несомненно, однако, численность посадского населения Смоленска в это время была весьма значительна. Даже неполные росписи 1609 года дают 1910 чел. посадских людей, включая подсуседников и дворников, распределяющихся по отдельным сотням Смоленска таким образом: Городенская сотня—392 чел., Воскресенская сотня—351 чел., Везовенская сотня—342 чел., затем идут более мелкие сотни, некоторые из них названы даже полусохами, Воровская—181 чел., Крылошевская—126 чел., Ве-

денецкая—122 чел., Пятницкая—121 чел и Новая Загороденская слобода—88 чел., кроме того в роспись входят охотники Смоленского яма в количестве 113 чел. [65]).

К середине XVII века численность посадского населения резко падает. В 1654 году в Смоленске оставалось всего только 200 мещан, из которых занималось ремеслом 95 чел. [66]). Во второй пол. XVII века, вместе с восстановлением экономической жизни города, посадское население снова обнаруживает тенденцию к более или менее быстрому росту. В 1724 году, ко времени первой ревизии, в Смоленске было уже 2028 рев. душ. посадских людей [67]).

Интенсивное развитие торгово-промышленной жизни Смоленска рано способствовало экономическому расслоению посадского населения. Уже в сер. XV века из общей массы населения выделилось два разряда посадских людей— мещане, представлявшие верхний, более зажиточный слой городского населения, и черные люди, к которым, повидимому, на ряду с торгово-промышленным населением боярских и монастырских слободок, принадлежали мелкие посадские торговцы и ремесленники. Однако, между обоими разрядами посадского населения нельзя провести какойлибо резкой грани. Торговля в XV—XVI веке еще продолжала носить ремесленный характер, свойственный эпохе феодального хозяйства, и купец часто сливался с ремесленником. Исключение представляла небольшая группа мещан, владевших землями и населенными селами, которую знают юридические акты нач. XVI века, приближавшаяся уже к военно-землевладельческому классу, исчезающая после присоединения Смоленска в 1514 году к Москве [68]). В позднейшее время мы снова встречаем класс мещан-землевладельцев, но уже сложившийся в эпоху магдебургского права (1610—54 гг.). В 1778 г. в Смоленске из 53 мещан, владевших землями и крепостными людьми, оказалось: 19 чел. таких, предки которых значатся в крестоприводной 1655 года; 19 ч., которые пишутся старинными мещанами (с 1678—1710 гг.); 11 чел., приписанных из солдат, стрельцов и пушкарей, и 4 чел., приписанных из купцов других городов [69]).

К посадскому населению должны быть отнесены также подсуседники, упоминаемые в сотенных списках Смоленской Приказной избы 1609 г. рядом с посадскими людьми. Как и в других московских городах, это были несамостоятельные юридически лица, занимавшиеся торговлей и промыслами, но сидевшие на дворах посадских людей и не несшие тягла [70]). Кроме того, у некоторых посадских ремесленников

имелись ученики и батраки. Так, среди ратных посадских людей Воскресенской сотни в 1609 году упоминаются: «Куземки сапожника ученик Андрюшка...» и рядом с ним— «Илейка хлебник с батраком..., да Васька хлебник с батраком» [71]).

Судя по отрывкам сотенных списков посадского населения Смоленска нач. XVII века, мелкие городские промыслы, к которым мы относим и розничную торговлю на рынке, являлись преобладающими в качестве источников дохода этого населения. Так, из 268 посадских людей, их подсуседников и дворников Воскресенской сотни—116 чел. или 43% были ремесленниками. Другие списки посадских людей Смоленска того же времени дают соответственно цифру 51 чел. и 87 чел. ремесленников на 149 и 222 чел. посадского населения, т.-е. 34—39%% [72]). В других русских городах этот процент ремесленников колеблется в XVI веке в среднем от 22 до 40%%. Так, например, в Можайске 40% посадского населения занималось ремеслом, в Коломне— 22%, в Туле около 25%, выше этого %% ремесленников среди посадского населения встречается в Казани—50% [73]).

Какого нибудь резкого разграничения между торговыми людьми и ремесленниками в это время провести совершенно невозможно, так как одни и те же лица занимались одновременно ремеслом и связанной с ним торговлей на рынке в разнос или в лавках. К ним должны быть прежде всего отнесены—мясники, хлебники, колачники, ситники и вообще лица, занимавшиеся производством пищевых припасов. Несомненно, вела также торговлю известная часть ремесленников, занимавшихся изготовлением одежды, обуви и предметов домашнего обихода—сапожники, рукавичники, москотильники, свечники, мыльники, серебренники и т. д. Наконец, среди посадских промышленников, мы встречаем прасолов—лиц, исключительно занимавшихся торговлей [74]).

В начале XVII века более или менее дифференцировался из общей массы торгово-промышленного населения только разряд крупных капиталистных купцов. Посадские торговые люди упоминаются в росписях посадского населения Смоленска 1609 года на ряду с посадским населением, при чем, им было поручено заведывание обороной отдельных башен Смоленской стены. Всего роспись 1609 года насчитывает 48 чел. торговых людей, кроме московских купцов, живших в Смоленске, образовавших для обороны Смоленских стен особый отряд в 10 чел. во главе с торговым человеком Андреем Анисимовым [75]). Дальнейшая

дифференциация торгово-промышленного класса по занятиям намечается в Смоленске в 10—20 гг. XVII века под влиянием более развитых в экономическом отношении городов Литвы и Польши. Привилей Смоленску на магдебургское право 1611 года уже различает купцов, ремесленников и сидельцов, мелких рыночных торговцов [76]). В то же время привилей 1611 года вводил цеховую организацию ремесленников, которая должна была об'единить собственно городских производителей в отдельную замкнутую корпорацию.

Мелкая городская промышленность Смоленска в XVI—XVII веке носила исключительно потребительский характер. Роспись посадских людей Воскресенской сотни 1609 года [77]) перечисляет 116 чел. ремесленников, которые распределялись по 39 различным специальностям, при почти полном отсутствии каких-либо признаков разделения труда. Наиболее развитыми в Воскресенской сотне были промысла по производству пищевых продуктов, ими было занято 42 чел. или 37,8% всех ремесленников (Казань—41% Тула—30%). В состав ремесленников входили—хлебники, колачники, ситники, блинники, оладники, пирожники и гречневичники, мясники, масленники, солодовники, сусленники и рыболовы. Вторую группу составляли промысла по производству одежды и обуви—портные, епанечники, шапочники, сапожники, рукавичники, подошевники, сыромятники, кожевники, скорняки, всего в числе 32 чел., составлявшие 26,8% всех ремесленников (Казань около 25%, Тула около 35%), при чем, особенно большое число лиц было занято в кожевенно-обувном производстве (23 чел.). В других сотнях смоленского посада упоминаются также—шаповалы, холщевники, красильники, чулочники, суконники, овчинники и гладильщики. Почти совершенно отсутствовали среди городских ремесл прядение и ткачество, т.-е. первичная обработка волокнистых веществ. Можно думать, что холст и шерстяные ткани приготовлялись еще в домашнем хозяйстве мещан и не выделились в особый промысел, как это до сих пор можно видеть в деревне, или же доставлялись на городской рынок крестьянами.

Третью группу промыслов составляло производство различных предметов домашнего и общественного обихода, насчитывавшее в Воскресенской сотне—31 чел. ремесленников или 27,8% их общего числа. При сравнительно небольшом числе занятых лиц в этой отрасли городской промышленности мы находим большое разнообразие отдельных видов

промыслов. Наиболее распространенным среди них было производство по обработке металлов, в которое входило также и оружейное дело, об'единявшее—кузнецов, замочников, ножевников, крючников, котельников, булавочников, пуговичников, сережников, серебренников, оловянишников, пищальников и сабельников; среди ремесленников по обработке дерева в росписях посадских людей 1609—10 гг. упоминаются—плотники, деревяничники, бочары, обручечники, дехтяры и колесники, при чем, сравнительно незначительное количество плотников, а также полное отсутствие среди посадских промышленников каменщиков и кирпичников, об'ясняется тем, что строительные работы находились в Смоленске, частью в руках отхожих промышленников—крестьян, частью производились казенными ремесленниками, прибранными на государеву службу. Кроме перечисленных выше ремесленников в это время встречаются также—мыльники, свечники, москотильники, седельники, сумники, торочечники, войлочники, гребенщики, кушнеры, гончары, золотари и иконники. Наконец, в состав посадских ремесленников входили такие лица, как извозчики, пастухи, коновалы, кровопуски и даже скоморохи.

Рядом с мелкой ремесленной мастерской в XVII веке в Смоленске зарождается крупная промышленность, приближающаяся по своей производственной организации к мелкой капиталистической мануфактуре. Первый толчок к развитию в Смоленске мануфактурной промышленности был дан привилеем на магдебургское право 1611 года, намечавшим устройство в Смоленске бумажных и суконных фабрик [78]). Однако, слабое развитие торгово-промышленной жизни города в этот период помешало осуществлению намеченной программы промышленного строительства. Во второй пол. XVII века в Смоленске хотя и не было крупных мануфактур в собственном смысле слова, но встречаются централизованные производственные предприятия, на которых работало значительное количество рабочих, и применялось разделение труда. Это были казенные «заводы» и дворы, на которых работы велись посадскими людьми, взятыми на государеву службу. К ним должны быть прежде всего отнесены казенные кирпичные сараи и кузницы, работавшие в Смоленске «на государево оружейное дело» [79]). Кирпичные сараи были устроены в Смоленске еще в 90-х гг. XVI века для заготовки кирпича на постройку каменных городских стен. Во второй пол. XVII века на них производились большие работы по выработке кирпича для починок

городской стены и постройки нового собора и церкви Вознесенского монастыря [80]). В 70-х гг. XVII века в Смоленске существовали, кроме того, казенные токарный двор и колокольный «завод» [81]).

Несмотря на ряд признаков, свидетельствующих о довольно высоком уровне экономического развития Смоленска, в XVI—XVII веке, характерной чертою последнего еще остается отсутствие резкой дифференциации городского населения по занятиям. Наряду с мещанами, торговлей и промыслами в городе занимались боярские и церковные люди, с которыми горожане вели борьбу за монополию на рынке еще в первые годы XVI столетия [82]). Позднее, вместе с ростом военно-служилого населения, широкие размеры приобретает торгово-промышленная деятельность отдельных разрядов служилых людей—стрельцов, пушкарей и затинщиков. В городской торговле принимает участие даже шляхетское население Смоленска. В 1675 году на смоленском рынке рядом с посадскими лавками помещалось также 8 лавок, принадлжавших шляхтичам [83]).

С другой стороны, само посадское население в это время еще продолжало, наравне с крестьянами, заниматься земледелием. Правда, существование уже в нач. XVI века в Смоленске привоза на городской рынок сельскохозяйственных продуктов указывает на дифференциацию известной части городского населения от земледельческих занятий, но вместе с тем, не только огороды и сады, но даже посадская пашня продолжали существовать еще во второй пол. XVII века, а для посадского стада имелся общинный выгон [84]).

В первой пол. XVII века и особенно к концу этого столетия в составе городского населения Смоленска и в соотношении отдельных его элементов произошли довольно резкие сдвиги, вызванные ростом военно-служилых элементов населения. Оборона городских стен до 50 гг. XVI века лежала в Смоленске, главным образом, на военно-землевладельческом классе (дворяне и дети боярские), а отчасти на тяглом посадском населении, которое призывалось на военную службу в случае осады города. Из посадского населения комплектовались также специальные крепостные службы пушкарей, затинщиков и воротников. Посадские люди и крестьяне окружающих уездов должны были, вместе с тем, чинить и поддерживать городские укрепления [85]). Но уже в середине XVI века эта военно-оборонительная система подверглась в Московском государстве реформе.

В 50-х гг. XVI века окончательно формируется пехота, вооруженная огнестрельным оружием, образовавшая стрелецкие полки, составившие постоянные городские гарнизоны. В 1587 году Флетчер считал гарнизоны главнейших крепостей Московской Руси—Смоленска, Пскова, Новгорода и Астрахани, достигавшими до 2—3 тыс. человек [86]). Но в это число, повидимому, входят не только стрельцы и пушкари, но также и земское ополчение, привлекавшиеся к защите городских стен в случае осады города. С. Немоевский, бывший в Смоленске с Мариной Мнишек в 1606 г., говорит, что в его время число стрельцов, составлявших гарнизоны Смоленска, Пскова и Новгорода, было определено для каждого города в 600 чел. [87]). В случае войны численность стрелецких полков увеличивалась за счет приборов местного посадского населения [88]). Пушкарей в Смоленске в 1609 году было 100 чел., в 1654 году—62 чел. [89]).

Стрельцы и пушкари, хотя и несли постоянную военную службу, в то же время по своим занятиям были тесно связаны с посадским населением. Среди 201 чел. стрельцов, помещенных в списках Смоленской Приказной избы 1609 года, 43 чел. или 21,4% были ремесленниками [90]). Список смоленских пушкарей того же времени дает еще более высокий процент промышленников: из 100 чел. пушкарей и затинщиков—36 чел. или 36% занимались ремеслом и торговлей [91]). В числе этих ремесленников мы находим: портных (20 чел.), шапочников, сапожников (13 чел.), рукавичников, седельников, торочечников, войлочников, мясников, хлебников, колачников, прасолов и т. д., т.-е. те же профессии, которые были представлены и среди посадского населения Смоленска. Во второй пол. XVII века среди смоленских стрельцов, прибранных главным образом из центральных городов Московского государства, получают особенное распространение промыслы по обработке металлов—серебренники, оловянишники, кузнецы, бронники, котельники, слесаря. Таким образом, военно-служилое население во второй пол. XVI и нач. XVII века, хотя и жившее отдельными слободами, но занимавшееся городскими промыслами, почти совершенно сливается в производственном отношении с посадским населением.

Несколько особняком от военно-служилого населения стояли ямщики, несшие специальную службу и жившие в городе отдельной слободой. Смоленский ям был учрежден в 1514 году после присоединения Смоленска к Московскому государству [93]). В XVI—XVII веке Ямская слобода в Смо-

ленске существовала на посаде за Днепром по сторонам Московской дороги, местность ее до сих пор сохраняет название Ямщины.

Во второй пол. XVII века военно-служилое население Смоленска значительно изменяет свой состав и характер. В 1660—80-х г. г. операционный базис военно-оборонительной системы Московского государства был перенесен из центра на окраины, где создаются крупные военные лагери, состоящие главным образом из пехоты иноземного строя, заменяющих прежнюю стрелецкую пехоту. В связи с этой военной реформой Смоленск стал местом, в котором были во второй пол. XVII века сосредоточены главные военно-оборонительные силы Московского государства, расположенные на границе с Польшей. В нач. 1660-х гг. здесь находились: рейтарские полки полк. В. Змеева, Г. Тарбеева, В. Челюсткина, И. Полуектова, Р. Полмера, Х. Мингауса, и Я. Фанговена, полки солдатского строя ген. Т. Далиэля, В. Дромонта и полк. В. Брюса, в которых числилось начальных людей 516 чел., рейтар 6296 чел., драгун 1370 чел. и солдат 3863 чел. Из них в Смоленске было расквартировано 10.193 чел., остальные войска были расположены в пограничных городах—в Рославле, Красном, Досугове и Велиже. Кроме того, в Смоленске стояло 2 дворянских полка кн. П. А. и И. А. Долгоруких численностью в 1451 чел., 4 приказа московских стрельцов—2543 чел. и 2 приказа смоленских стрельцов—700 чел. В общем же численность служилого населения Смоленска в это время достигала громадной для своего времени цифры—14.887 чел., не считая поселенных в городе пушкарей и донских казаков [94]). К концу XVII века военно-служилое население Смоленска по самым грубым расчетам, примерно раз в 7—8 превышало численность посадских людей [95]). Рост военно-служилого населения, устраивавшегося в особые стрелецкие и солдатские слободы, происходил за счет вытеснения из города extra muros посадских людей, концетрирующихся главным образом на посадах. В противоположность организации стрелецкого войска, сохранявшего производственную связь с посадом, полки иноземного строя носили профессиональный военный характер. Поселение в городе рейтар и солдат не только расширило военный сектор городского населения, резко изменив социальную структуру последнего, но и наложило отпечаток на ландшафт города, превращающегося во второй пол. XVII века в грандиозный укрепленный лагерь.

III. Социальный ландшафт города.

Лучшими источниками для изучения социального ландшафта Смоленска XVII века являются современные проспекты города, среди которых главное значение имеют анонимный проспект 1611 года [96]), и план Смоленска, гравированный в 1636 году Вильгельмом Гондиусом, а также планы Смоленска 1779 и 1787 гг., находящиеся в Смоленском Государственном Областном музее, дающие возможность восстановить утраченную картину планировки города и расположения его улиц и площадей, существовавших в XVII и нач. XVIII века. Дополнением к ним может служить чертеж смоленских укреплений, составленный в 1633 году Москаржовским [97]). Комментарий к ним дают: для 30—50-х гг. XVII века—инвентарь Смоленска и Смоленского воеводства 1654 года [98]), для второй половины XVII века—переписные книги и росписные списки по Смоленску 1650—80-х гг., находящиеся в делах Приказа вел. княж. Смоленского в Москве.

Плана Смоленска, относящегося к XVI веку, не существует, не сохранилось также и писцовых книг этого времени; наиболее полные сведения касательно топографии города конца XVI и нач. XVII века содержат дела Смоленской Приказной избы эпохи обороны Смоленска в 1609—11 гг., изданные Ю. В. Готье [99]), являющиеся пока основным источником для изучения социального ландшафта города этого периода. К этому же времени относится проспект Смоленска, гравированный Г. Келлером в 1610 году, однако он не является вполне надежным источником [100]).

Наконец, много сведений относительно облика Смоленска в XVI—XVII веке содержат известия иностранных писателей. В этом отношении наибольший интерес представляют: для XVI века—Матвей Меховский (1518 г.), С. Герберштейн (1526 г.), Г. Кобенцель (1576 г.), Д. фон-Бухау (1576—78 г.), А. Гваньини (1578 г.), А. Поссевин (1581—82 г.), и Н. Варкоч (1593 г.), для XVII века—Какаш и Тектандер (1602—3 г.), Петрей де Эрлезунда (1620 г.), Адольф Лизек (1675 г.), Б. Таннер (1678 г.), И. Корб (1698—99 г.) и польские мемуаристы—Ст. Немоевский, С. Бельский, Жолкевский и Маскевич.

Как и теперь, в XVI—XVII веке Смоленск был расположен по обеим сторонам р. Днепра. Относительно общего местоположения города в это время говорят Герберштейн, Кобенцель, Маскевич, Гваньини и Лизек.

С. Герберштейн (1526 г.):

«Смоленск—резиденция епископа, стоит на реке Борисфене и имеет крепость на другом, восточном берегу реки» [102]).

Маскевич (1609 г.):

«Местоположение Смоленска следующее: между городом и крепостью протекает река Днепр, т.-е. на одной стороне лежит крепость, а на другой город. Крепость стоит на возвышении, к Днепру очень отлогом, и заключает в себе семь гор, между которыми без мостов сообщение было бы весьма трудно. Город к Днепру лежит на месте более ровном и болотистом, а далее возвышается гора, как и в крепости» [103]).

А. Лизек (1675 г.):

«Смоленск город обширный и хорошо отстроенный... Старая крепость лежит на другом берегу Днепра и заключает в себе столько строений, что кажется городом. С одной стороны ее омывает река, с другой окружают острые скалы, а посередине возвышается башня с храмом божьей матери» [104]).

Таким образом, в XVI—XVII веке в Смоленске так же, как и в других больших городах Московской Руси, уже дифференцировались собственно «город» (Burg), ставший его оборонительным и административным центром, и торгово-промышленный посад, лежавший на другом берегу р. Днепра. Смоленск до конца XVI века не имел каменных стен. Укрепления города в XVI веке состояли из рва и вала, на котором были устроены палисады и бойницы из дубовых брусьев. «Крепость Смоленская»,—говорит один из современников осады города в 1514 году, «расположена у Днепра, мощна она благодаря самой реке, болотам, а также благодаря бойницам из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четыреугольников, набитых глиной извнутри и снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни выстрелами, ни таранами» [105]).

Другие сведения о Смоленской крепости в XVI веке нам сообщают Меховский, Герберштейн, Кобенцель, Посевин и Варкоч.

Матвей Меховский (1518 г.):

«Смоленск выстроен из дуба и окружен глубокими рвами» [106]).

С. Герберштейн (1526 г.):

«Крепость выстроена из дуба и в ней находится много домов, как в городе. С той стороны, которая выдается на холм (другая сторона омывается Борисфеном), [город] укреплен рвами и острым тыном, которые препятствуют нападению неприятеля» [107]).

Кольцо укреплений старого деревянного города приблизительно совпадало с границами каменных стен, окружающих Смоленск в настоящее время. Остатки валов деревянного города сохранились теперь только около быв. Авраамиевского монастыря, который до постройки каменной крепости находился вне черты городских стен, и между Королевской крепостью и Громовой башней, но еще в начале прошлого столетия они существовали на пространстве от Авраамиевского монастыря до Молоховских ворот и от Молоховских ворот до Королевской крепости [108]). После постройки в 1596—1602 году каменных стен, этот вал составлял вторую, внутреннюю оборонительную линию городских укреплений, которая была уничтожена только во второй пол. XVII века. Он имел высоту до 2,5 саж. и был, по словам Гондиуса, укреплен «по московскому обычаю... ложементом и деревянным частоколом, в некоторых местах были наделаны огромные срубы для помещения батарей» [109]).

С этим описанием укреплений старого вала интересно сопоставить известие Поссевина (1581—82 г.), который говорит, что в его время Смоленск был окружен валом, обделанным плетнем, в отверстиях которого стояли пушки [110]). Можно поэтому думать, что и в XVI веке Смоленск не имел сплошных деревянных стен, существовавших лишь на отдельных участках городских укреплений, а был укреплен только валом и палисадами, что согласуется и с описанием Смоленской крепости и Герберштейна, указывающего деревянные стены только в нижней части ее, по берегу Днепра. Деревянные стены по берегу Днепра существовали еще в эпоху обороны Смоленска в 1609—11 гг., упоминаются и ворота старой крепости—Духовские и Крылошевские, находившиеся в этой части города [112]).

В конце XVI века, благодаря изобретению орудий обороны и успехам осадного искусства, в Смоленске, как и в других важнейших стратегических центрах Западной, а затем и Восточной Европы, появляются более современные укрепления. Эти укрепления отличались от средневековых не только в техническом отношении, они преследовали прежде всего другую цель: если раньше городские укрепле-

ния должны были главным образом защищать торгово-промышленное население, стягивающееся в города, от неожиданных нападений, то теперь они должны были служить опорными пунктами для крупных военных операций. Образцом для городов Московской Руси в данном случае служили современные им крепости Зап. Европы, преимущественно Италии, архитекторы которой были строителями большинства крупных крепостей Европы XVI века.

Каменная крепость в Смоленске была построена в 1596—1602 гг. московским городовым мастером Федором Конем по типу уже существовавших крепостей Московского государства, сооруженных в XV—XVI веках итальянскими зодчими. Ближе всего, как по своей оборонительной системе, так и по архитектуре, Смоленская крепость стоит к Московскому кремлю, построенному в 1485—1508 гг. П. А. Соларио и Антоном Фрязином (ср. вид Московского кремля по гравюре Килиана 1610 г.). Приближаясь по своим конструктивным формам, вместе с Московским кремлем, к итальянским крепостям XV—XVI века, в то же время Смоленская стена значительно отличается от них своей архитектурной обработкой. Так, например, башни, остававшиеся в итальянских крепостях открытыми, в Смоленской крепости получили высокие деревянные шатровые кровли, приблизившие их к типу деревянных рубленых башен русских городов. Подверглась также изменениям и декоративная обработка стен. Сохранив итальянскую аркатуру в обработке внутренней поверхности стен и двурогую форму венчающих зубцов, они получили вместе с тем чисто русское декоративное оформление наружных бойниц. В XVII веке стены и башни Смоленской крепости были побелены известью по кирпичу, при чем горизонтальные тяги их были подчеркнуты раскраской мумией, благодаря чему они должны были иметь очень нарядный вид, в особенности ярко выделяясь на фоне монотонного деревянного пейзажа старого города. Сверху городская стена была покрыта деревянной двускатной кровлей. Внешний вид Смоленской крепости в XVII веке хорошо виден на плане Гондиуса 1636 года.

В оборонительном отношении Смоленская стена в XVI в. представляла первоклассную крепость, не уступавшую наиболее сильным крепостям Зап. Европы. Смоленская крепость имела 38 каменных башен, из них: 29 глухих грановитых и малых четырехугольных башен и 9 проезжих ворот [113]). Высота башен достигала 11,10 и 9 саж., высота Днепровских

ворот была около 15 саж. Наибольшее число ворот было расположено в северной части крепости по берегу Днепра, где она примыкала к посаду, с которым крепость должна была поддерживать наиболее оживленные сношения, здесь были устроены Крылошевские, Лазаревские, Днепровские, Водяные и Пятницкие ворота. С восточной стороны крепость имела Авраамиевские и Еленские ворота и с южной — Молоховские и Копытенские. Совершенно была лишена ворот только западная часть крепости, обращенная в сторону литовско-русской границы, и поэтому наиболее открытая для нападения. На ночь все ворота запирались, и всякое сообщение с городом прекращалось. Кроме того уже в нач. XVII века большая часть городских ворот в целях защиты была совершенно закрыта для проезда, за исключением только Молоховских и Днепровских ворот.

Ворота городской крепости составляли не только предмет особенно тщательной архитектурной обработки, но и имели наиболее сложные приспособления для защиты. Мы приводим здесь описание Молоховских и Днепровских ворот по росписному списку воеводы П. Прозоровского 1665 г. [114]).

Молоховские ворота.

Вышина Молоховской башни «опричь зубцов» достигала 9 саж., на башне была тесовая шатровая крыша, а поверх шатра сделан караульный чердак и на нем поставлен вестовой колокол. Самая башня имела приспособления для верхнего, среднего и подошвенного боя. В башне было двое ворот брусяных створчатых, из них одни с калиткою.

Перед Молоховскими воротами «за городом» был расположен вал земляной, в который вели створчатые брусяные ворота, а через городовой ров устроен под'емный мост. Этот мост стоял «на семнадцати столбах дубовых брусяных... и переклади через ров, дубовое же брусье, длина мосту десять сажен, ширина полсажени, по обе стороны моста перила, да на том же мосте под'ем в длину двух сажен, а подымаетца очепом на чепях.

Днепровские ворота.

Днепровские или Фроловские ворота (Porta Regia) по Гондиусу) значительно отличались от других башен Смоленской крепости как своими размерами, так и особенностями своего устройства. Судя по изображению Днепровских ворот на плане Гондиуса 1636 года и на иконе Авраамия и Меркурия Смоленских нач. XVIII века из старого Смоленского собора, а также по росписному списку 1665 года,

они по своему внешнему виду и внутреннему устройству очень близко должны были напоминать Спасские ворота Московского кремля, построенные П. А. Соларио (1491 г.), до надстройки над последними верха Христофором Галловеем в 1625 году.

Днепровские ворота имели пять ярусов бойниц, в то время как остальные башни Смоленской стены имели приспособления для трех, а малые четырехугольные башни даже для двух «боев». В верху над воротами была устроена палатка каменная со сводами, «а поверх тое башни зделан чердачек каменный на четырех столбах и вышины той башне до верхних зубцов четырнадцать сажен, а зубцы полторы сажени, а сверху зубцов кровля до каменного чердачка крыта в две тесницы». Со стороны Днепровского моста к воротам примыкал каменный «приделок» или отводная стрельница, перед которой был устроен острог, запиравшийся створчатыми брусяными воротами. В самой башне, кроме «в'езжих ворот», были вторые ворота створчатые брусяные и затем железная решетка (герсы). Герсы имелись также в Крылошевских и Еленских воротах, а перед ними, как и перед Днепровскими и Молоховскими воротами, были устроены остроги или поставлены деревянные «струбы», наполненные землею [115]).

Для сообщения между городом и посадом существовал мост через Днепр, расположенный против Днепровских ворот. Большой Днепровский мост упоминается уже в конце XV века [116]). С целью перерыва в любое время сообщения между городом и посадом, посредине моста был устроен под'ем, о котором упоминает С. Немоевский. В 1697 году на месте старого Днепровского моста был построен новый деревянный мост «на семи клетках», имевший длины 75 саж. и ширины 5 сажен. Строил мост подмастерье Якушка Болтовня [117]).

С южной стороны, кроме каменных стен, Смоленская крепость была укреплена рвом и палисадами, окружавшими город от Авраамиевских ворот до Королевской крепости и составлявшими вторую, внешнюю оборонительную линию городских укреплений. Эта линия укреплений была устроена в 50—60 гг. XVII века. С. Немоевский, посетивший Смоленск в 1609 году, еще не видел около стен ни рва, ни вала [118]).

«Да около Смоленска копан ров от Авраамиевских ворот направо к Молоховским воротам в длину на 344 саженях, в ширину 3 сажени, ширина вверху рву 8 саж.,

в почве 6 саж. і обставлен тот ров тыном сосновым большим лесом.

Да по другую сторону Молоховских ворот до Королевскогс пролому копан ров же в глубину і в ширину таков же, что от Авраамиевских ворот, а выкопано рву на 182 саж. и обставлен большим же лесом» [119]).

Смоленские стены, укрепленные мощными каменными башнями, снабженными каменными навесными бойницами (машикули) и приспособлениями для полного пищального, мушкетного и пушечного боя, защищенные в воротах под'емными мостами, двойными брусяными воротами и спускными решетками (герсы), а кроме того укрепленные на подступах к ним острогами, представляли для своего времени почти неприступную крепость, чему благоприятствовало и положение ее в мало доступной для осадных действий, сильно пересеченной, местности. Лизек, посетивший Смоленск в 1675 году, замечает, что сами русские считали этот город «как бы непобедимым укреплением своего отечества» [120]).

Особое место в системе городских укреплений Смоленска занимало обширное земляное укрепление—Fortalitium Sigismundanum или « wa wielki» (Королевская крепость), построенная поляками на месте малой четырехугольной башни, разрушенной во время осады Смоленска в 1609—11 гг. Другое такое же укрупение, но меньших размеров, или так называемый «Малый вал», было устроено на месте Грановитной башни, взорванной Шеиным во время осады города в 1633 году, между Евстафьевской башней и Молоховскими воротами.

В XVII веке Fortalitium Sigismundanum, называемый также иногда замком, служил цитаделью Смоленской крепости, около которой были сосредоточены пороховые и артиллерийские склады и провиантские магазины. „Wał wielki“, по описанию в инвентаре Смоленска и Смоленского воеводства 1654 года, представлял земляное укрепление, в виде правильного пятиугольника с пятью батареями («за город с 3 выводы, а в город с двумя»), с загородной стороны вал был окружен рвом и укреплен деревянными ослонами. Для сообщения замка с городом служил под'емный мост с каменною брамою или воротами, по сторонам которых были устроены каменные палатки или „sklep‘ы“ для хранения пороха и ядер. Каждый склеп был снабжен крепкими дверями и двумя окнами с железными решетками и ставнями. В самом укреплении („w wał wszedszy“) находился третий „sklep“

для хранения ядер и инструментов для изготовления орудий и снарядов. Pod murem niedaleko wału" были расположены шпихлер (провиантский магазин) и цейхгауз [121]). Из этих построек ворота, или, как они называются в инвентаре 1654 года „Brama wału wielkiego", были, вероятно, сооружены в стиле польской замковой архитектуры XVII века. К сожалению, описание ворот в инвентаре 1654 года и на плане, приложенном к дневнику войны 1633 года, составленному Москаржовским, не дают полного представления об архитектурном облике этого интересного памятника.

Между Королевский крепостью и Копыцинскими воротами вXVII веке существовала обширная площадь, предназначавшаяся для обучения замковой пехоты [122]).

На этой площади, как видно по плану Гондиуса 1636 года, находились здания шпихлера и цейхгауза, стоявшие около вала Королевской крепости. С другой стороны площадь примыкала к Государеву саду на Вознесенской улице, около которого был расположен Михайловский костел, упоминаемый еще в 1666 году [123]).

Королевская крепость продолжала сохранять значение городской цитадели и во второй пол. XVII века. На площади перед Королевской крепостью, получившей название Блонья, «идучи к Королевскому пролому, на левой стороне в углу, близко рву» (близ Копыцинских ворот С. Ш.) в 1660-х гг. были построены оружейные амбары, здесь же около городовой стены был расположен Государев Житный двор, в котором хранились хлебные запасы на случай осады. Кроме того в 1675 году 8 амбаров «на хлебные запасы», размером 5×5 саж. каждый, было поставлено на Государевом дворе, «потому что на Житном дворе для приему хлебных запасов житниц за утеснением строить было негде, да и потому что было близко городовой стены и место ниское» [124]).

На ряду с деревянной, а позднее каменной стеной, окружавшей город, в Смоленске еще в XVI и нач. XVII века существовали внутренние укрепления, возникшие в феодальную эпоху и ставшие одним из тех кристаллизующих центров (Kristalisationskern) по В. Гейслеру) [125]), около которых сложился в позднейшее время город.

Одним из таких укрепленных пунктов является донжон, (donjon), изображение которого сохранилось на гравюре Смоленска Келлера 1610 г. и анонимном проспекте 1611 года, стоявший на Вознесенской горе. Несомненно, в данном случае мы встречаемся с одним из оборонительных

сооружений старого княжего двора в Смоленске еще феодальной эпохи, тип которого мог быть занесен сюда через Литву и Польшу из Зап. Европы, с которой Смоленск поддерживал оживленные сношения, начиная с XIII века. Первоначально княжий двор, вероятно, представлял просто обнесенную тыном усадьбу, подобно западно-европейской villa, позднее превратившуюся в укрепленный деревянный замок с каменным донжоном—центральной башней замка. На месте предполагаемого княжего замка Трофимовский еще в нач. 50-х гг. XIX века на Вознесенской горе видел «следы тайника, имеющего два направления: одно обращено к стороне собора, другое вниз к Днепру; при входе в то и другое отделение—железные двери» [126]),—повидимому, здесь мы видим остатки старого донжона, но только правильно поставленные археологические раскопки могут дать ключ к окончательному решению интересующего нас вопроса. Так как на плане Гондиуса 1636 года изображения донжона уже нет, можно думать, что он был разобран между 1611 и 1636 гг. в виду ветхости и потери своего прежнего значения с постройкой новых каменных городских укреплений.

В конце XV века на месте княжого двора существовал уже двор великого князя Литовского, на котором в 1495 г. останавливалась Елена Ивановна, жена вел. кн. Александра Казимировича [127]). В XVI—XVII веке здесь устраивается Государев двор, постройки и сады которого занимали пространство между Вознесенской улицей и Блоньем. В состав Государева двора в это время входил целый комплекс жилых и хозяйственных построек, составлявших обширную усадьбу, имевшую в сер. XVII века следующий вид: во двор вели большие в'ездные ворота с калитками, крытые гонтом; внутри двора стояли жилые хоромы, состоявшие из двух изб и третьей боковой с коморою и крыльцами; по левой стороне двора от больших ворот были расположены две избы, из них одна с коморою, кухня и при ней изба также с коморою, житница и клеть; к большим хоромам примыкали «od domu wielkiego» изба с коморою, пекарня и две скарбницы, стоявшие на деревянных подклетах, в которых помещалась пивоварня («piwnica») [128]). Рядом с Государевым двором стоял Конюшенный двор, а за ним был расположен обширный Государев сад, засаженный плодовыми деревьями, примыкавший к боярским и шляхетским дворам на Блонье. Во второй пол. XVII века яблоки и плоды из Государева сада доставлялись в Москву «на расход великого государя» [129]).

Местность, лежавшая между Копыцинскими воротами и Государевым садом, во второй пол. XVII века носила название Блонья [130]). Вероятно еще в феодальную эпоху здесь, около княжого двора, стали устраиваться дворы бояр смоленских, несших вассальную службу при княжом дворе. Свой военно-служилый характер эта местность сохранила и в позднейшее время. В XVII веке на Блонье концентрировались почти исключительно дворы крупных вотчинников—бояр и служилых людей—стрелецких и пушкарских голов и сотников; позднее, вместе с поселением в Смоленске полков иноземного строя, здесь же располагаются дворы полковников и генералов рейтарских и солдатских полков. Среди дворов, перечисляемых на Блонье переписной книгой 1666 года, мы находим дворы бояр и стольников И. Д. Милославского, Б. И. Морозова, кн. Д. И. Одоевского, кн. С. И. Львова, кн. Д. А. Барятинского, полковников Змеева, Данговена и Лесли, ген. Дромонта, пушкарских и стрелецких голов Ф. Отрепьева, Д. Чернцова, В. Темкина и Б. Бабаева, 9 дворов стрелецких сотников, 3 подьячих двора и друг. [131]). Тут же на Блонье в XVII веке жили воеводы, и стояла приказная или с'езжая изба, являвшаяся центром воеводского управления. Двор с'езжей избы, принадлежавшей ранее Ф. Злобину, в 1666 году состоял из светлицы с коморою, передних сеней и черной избы с клетью, между ними находились вторые сени, да баня, да другая клеть на подклете; на дворе были расположены—погреб, конюшня и сарай. Во двор, огороженный забором, вели ворота створчатые с калиткою. Размер двора был сравнительно не велик 9×18 саж. [132]). Таким образом в районе Блонья XVI—XVII в. локализуется военно-служилое население города и слагается центр воеводского управления. Этот характер указанная часть города сохраняет и позднее, в XVIII—XIX веке.

Подобно князю в феодальную эпоху имел свой бург в городе и епископ, устроившийся в старом городище (Burg'e) на Соборной горе, служившем первоначально городским укреплением для посадского населения, концентрировавшегося около рынка, возникшего у подножия горы, на торговом пути по Днепру. Утратив, вместе с ростом города и устройством новых городских укреплений прежнее стратегическое значение, старый бург превратился в вотчину смоленского епископа. С аналогичным явлением мы встречаемся и в других средневековых городах, как древней Руси (Новгород, Тверь), где старый кремль в XV—XVII веке превратился целиком или частично в епис-

копский двор, так и в зап. Европе. Во многих городах Германии, например в Пассау, по словам В. Зомбарта, старые города были населены исключительно епископской или монастырской familia, в то время как свободные жители постоянно жили только в пригороде [133]).

Смоленский епископ уже в XV веке превратился в крупнейшего вотчинника—сеньера, владевшего населенными волостями и селами и имевшего своих служилых людей, несших службу с поместьев и составлявших Владычен двор [134]). Владычен двор или Епискупья представлял одновременно укрепленный монастырь и обширную усадьбу—сеньерию, составлявшую центр управления епископскими вотчинами. На Соборной горе Епискупья существовала уже в первой пол. XIII века [135]). В 1101 году в ней смоленским князем Владимиром Всеволодовичем была построена каменная соборная церковь «Пречистая» или «Святая богородица».

«Св. богородица» играла роль не только в общественной, но и в экономической жизни средневекового Смоленска, являясь как религиозно-политическим, так и торговым центром. Подобно церкви Ивана на Опоках в Новгороде «Св. богородица» уже в XIII веке была тесно связана с операциями смоленского рынка, в ней хранились меры и весы для взвешивания товаров, считавшиеся образцовыми, как для русских, так и для немецких купцов, торговавших в Смоленске. Эту связь она продолжала сохранять и позднее: еще в XVI веке в этой церкви существовали склады для купеческих товаров [136]).

В XVI—XVII веке Соборная гора представляла совершенно замкнутую возвышенность, подобно западно-европейским замкам окруженную со всех сторон рвами и валом, на котором еще в нач. XVII века стояли каменные стены, упоминаемые польским хронистом Павлом Пясецким [137]). Сказание «O sturmie y dobyciu Smolenska ostatnim w roku 1611», сохранившееся в польских источниках, называет каменный замок смоленского епископа «старым замком» («ku staremu amku gdzie cerkiew archiepiskopa była») [138]). Другой современник осады Смоленска в 1611 году, Вихровский, также говорит, что монастырь смоленского епископа, существовавший в городе, был хорошо укреплен каменными стенами («monaster który był w miéscie pięknie murowany») [139]). Следы вала, окружавшего Соборную гору, можно наблюдать в настоящее время со стороны Днепра, а также с юго-восточной стороны горы от Троицкого пер. до Верхне-Митропольской улицы.

Во время осады Смоленска в 1611 году каменный замок смоленского епископа был разрушен вместе с каменной соборной церковью XII века, находившейся внутри его стен; сохранилось от разрушения только несколько каменных башен, изображенных на анонимном проспекте Смоленска 1611 года. В первой пол. XVII века на месте Епискупьи существовал, повидимому, только один костел, известный под именем Сигизмундовского, построенный в 1611 году и обращенный в 1633 году в униатский кафедральный собор, да несколько дворов духовенства [140]). Восстановление Епискупьи должно быть отнесено к 50—60 гг. XVII века. В 1677 году в Епискупьи был заложен московским каменных дел подмастерьем Алешкою Корольковым новый каменный Успенский собор, законченный только в 1740 году уже архитектором А. И. Шеделем. Успенский собор представляет, наряду со Смоленскими стенами, один из самых грандиозных и ярких памятников московского самодержавия. Сочетав московский соборный тип храма с формами западного барокко, он в то же время служит отражением тех художественных течений, которые сталкиваются в Смоленске во второй пол. XVII—нач. XVIII века и которые были обусловлены предшествующим развитием Смоленска, как экономического и политического центра на рубеже Московской Руси и Польши [141]).

Другим ядром (Kristalisationskern) города являются рынки, стягивавшие торгово-промышленное население. В XVI веке центром торговой жизни Смоленска служил рынок, расположенный в нижней части города у Днепровских или Фроловских ворот, носившей название Большого Торга или торга «что у Днепровских ворот». Это было место, около которого пульсировала вся городская жизнь. Старая рыночная площадь, игравшая доминирующую роль не только в экономической, но и общественной жизни средневекового города, которая совершенно не может быть сравнимаема с теперешним узким значением рынка, как места торгового обмена, представляла в XVI веке собственно целый комплекс зданий, обслуживавших как потребности торга, так и посадского управления, между которыми было расположено несколько небольших и тесных площадей, на которых помещались мелкие торжки. В одном из полицейских распоряжений смоленского воеводы 1609 года предписывается «бирючу кликати в Большом торгу и по малым торжком и по крестцом» [142]). В XVI—нач. XVII века Большой Торг занимал пространство от Пятницких ворот,

около которого находился Пятницкий торжок, достигая, повидимому, Лазаревских ворот [143]).

От Пятницких до Днепровских ворот через рынок шла Большая проезжая улица, с одной стороны которой были расположены торговые лавки, а с другой—посадские дворы, выходившие задворками к городовой стене, около которой оставался только узкий проезд [144]). По этой улице проходила большая торговая дорога из Литвы и Польши в Москву, шедшая через Оршу, Красный, Дорогобуж и Вязьму, пересекавшая рынок и затем направлявшаяся через Большой Днепровский мост на посад за Днепром, на котором стоял Литовский Гостинный двор [145]). Около рынка же, в Крылошевском конце, были расположены днепровские пристани [146]). Таким образом, Большой Торг возник и вырос в узле главнейших торговых магистралей средневекового Смоленска.

Помимо торговых лавок, в которых сосредоточивалась мелкая городская розничная торговля, и которые одновременно служили и ремесленными мастерскими, на Большом Торгу, подобно другим московским городам XVI века, были вероятно также расположены Земская и Таможенная изба. Здесь же около Водяных ворот помещались Большие Тюрьмы, а в центре рынка против Днепровских ворот стоял Государев Кружечный двор, на котором продавалось казенное пиво и вино [147]). В XVI веке, как видно из дел Смоленской Приказной избы, на Большом торгу совершались также публичные наказания, известные под именем торговой казни, и об'являлись полицейские распоряжения [148]).

Против Большого торга на посаде за Днепром, около Большого Днепровского моста был расположен Литовский Гостинный двор, а с другой стороны моста стояла деревянная Никольская церковь и около нее Никольская богадельня [149]). Литовский гостинный двор в Смоленске являлся центром оптовой привозной торговли польских и литовских купцов. На гостинном дворе находились избы для остановок приезжих торговых людей, которым разрешалось торговать только в гостинном дворе, а также амбары и кладовые для склада их товаров.

Мимо Литовского Гостинного двора в XVI—XVII веке проходила Большая проезжая улица, служившая продолжением улицы того же наименования в городе. Около гостинного двора существовал рынок, упоминаемый в переписных книгах Смоленска 1675 года. По словам Б. Таннера на этом рынке происходил весьма оживленный торг дере-

вянной посудой, гончарными изделиями и разными дешевыми товарами, здесь же находились деревянные лавки местных купцов. В 1675 году последних было 21 лавка [150]).

Кроме гостинного двора в Смоленске во второй пол. XVII века существовал еще особый «Приезжий двор», соответствовавший, повидимому, дворам приезжих купцов (die Kaüffahrerhöfe) встречающимся в средние века на Западе, в которых останавливались приезжающие в город по торговым делам купцы. Их возникновение об'ясняется главным образом тем, что торговля в те времена требовала гораздо большего личного участия купца, чем теперь; при том гостинниц еще не существовало. Этот двор был расположен, судя по росписи стрелецких караулов по Смоленску 1675 года, за городом на посаде [151]).

В первой пол. XVII века, в связи с упадком торгового движения по Днепру и Московской дороге и запустением посада за Днепром, центр городской торговли, приобретающей преимущественно узко потребительский характер, перемещается в верхнюю часть города, где концентрируется в это время колония польских купцов, занявшая господствующее положение на смоленском рынке. Верхний Городской рынок занимал нынешнюю Верхне-Сенную площадь и прилегающую к ней часть Малой Вознесенской улицы. В 30-х гг. XVII века эта площадь по Гондиусу имела следующий вид. На месте Верхне-Сенной площ. были расположены каменные ряды с лавками для розничной торговли, обращенные фасадом к Молоховской улице, являвшейся в то время главной артерией города. Эти ряды, существовавшие еще в середине прошлого столетия, по словам привилея Смоленску на магдебургское право 1611 года, были построены «по образцу других городов» Литвы и Польши, где подобные крытые галлереи для лавок— „Halle" распространялись под влиянием Запада [152]).

С другой стороны Верхнего Городского рынка на Молоховской улице помещалась Ратуша, построенная одновременно с лавками в 1611 году, по типу западно-европейских ратушных зданий XVI—XVII века. На это указывает такая характерная деталь западных ратушных зданий, как башня— Beffroi существовавшая и на смоленской Ратуше. На башне были поставлены боевые часы работы польского мастера Килиана Вегеверта, вывезенные Алексеем Михайловичем по взятии Смоленска в 1654 году в Савин-Сторожевский монастырь под Москвой. Позднее в здании Ратуши, начиная с 1708 года, помещался городской магистрат,

а в 1795 г. на месте ее было построено здание главного народного училища, впоследствии гимназии [153]). От ратуши по Вознесенской горе шла улица, в конце которой за мостом был расположен костел Иезуитов с иезуитским коллегиумом, для которого ректором Павлом Кортовским было построено специальное «на подобие греческого... весьма удобное и красивое здание» [154]). На месте Иезуитского коллегиума в 1665 году был устроен Вознесенский монастырь с каменной церковью, построенной в 1694—98 гг. каменных дел подмастерьем Гуром Вахромеевым [155]). Ниже Верхнего Городского рынка на Молоховской улице стоял костел Базилиан, также обращенный во второй пол. XVII века в Троицкий монастырь.

В XVII веке главное значение в городской торговле имел Верхний Городской Рынок. Из 251 лавки, переписанных в Смоленске в 1675 году,—207 лавок или 82% общего числа находилось на Верхнем Городском рынке, 23 лавки на рынке у Днепровских ворот и 21 лавка на посадском рынке за Днепром. Кроме лавок в Верхнем Городском рынке было переписано 5 мест лавочных пустых, 7 амбаров, 5 мест амбарных пустых и 4 квасных места. Лавками владели посадские люди (мещане) и стрельцы, 8 лавок принадлежало шляхтичам [156]).

Иностранцы давно уже обратили внимание на сравнительную многочисленность лавок в русских городах XVI—XVII века вместе с мелким характером самой торговли. А. Поссевин говорит, что большинство даже московских лавок были так малы,что в одном венецианском магазине можно было найти больше товаров, чем в целом ряду московских лавок. Кильбургер еще в 1674 году указывал на незначительный размер тех же лавок, которые были раз в десять меньше современных им амстердамских лавок [157]). Смоленские рынки в XVI—XVII веке также должны были представлять кучу мелких деревянных лавок, в которых с трудом мог поместиться один купец и немного товара. По переписной книге 1675 года размер отдельной лавки в Смоленске не превышает $1^1/_3 \times 1^1/_3$ и $1^3/_4 \times 1^1/_3$ саж., некоторые лавки имели еще прилавки, упоминается также «позадь лавки амбарец с прирубом». Каменных лавок во всем городе было только четыре у Днепровских ворот, из них одна принадлежала посадскому человеку Лазорке Скокову и три лавки вязмитину Ивашке Ермолину [158]).

Вином и пивом торговали на кружечных дворах и в кабаках. В 1675 году в Смоленске было 2 кабака и 5 кружеч-

ных дворов, но кроме того в городе, насколько можно судить по делам Смоленской Приказной избы, процветали тайная продажа вина, зернь и б. . .я [159]).

Характер внутренней планировки города, теперь сильно изменившей свои характер, передают планы Твери 1636 и 1779 года. На этих планах мы видим целый лабиринт узких и кривых улиц и переулков, расположенных без всякой правильной системы. Мелкие и кривые улички города вливаются в рыночные и просто городские площади, которые все имеют неправильную форму. Кривые улицы, вьющиеся среди посадских дворов и неправильные площади, застроенные лавками и домами, сады—все это придавало городу очень живописный вид. В то же время иррегулярный тип планировки улиц и присутствие стен, окружающих город, сообщают его плану тот замкнутый характер, который так типичен для городов средневековой зап. Европы и Московской Руси в XVI—XVII веке. Как показал Г. Белов, план средневекового города в западной и южной Германии воспроизводил стихийно сложившийся план старой немецкой «скученной» деревни (Haufendörfer), [160]). Несомненно, аналогичная связь может быть установлена и между генезисом плана московских городов XVI—XVII века и планом старой русской деревни, носившей, судя по сохранившимся рисункам их в альбоме Мейерберга, в сер. XVII века тот же «скученный» характер, как и средневековая немецкая деревня.

Большая часть улиц в XVI—XVII веке в Смоленске еще не имела особых названий. Встречающиеся названия улиц указывают на промышленный характер их населения (Резницкая), или были получены ими от стоявших около них церквей (Вознесенская, Ильинская, Богоявленская, Спасская улица и площ.). Упоминаются также «географические» наименования улиц (Молоховская, другая—Московская улица получила свое название несомненно по расположенной на ней слободе московских стрельцов и, следовательно, носит военно-служилое происхождение). Но обычными, даже еще во второй пол. XVII века, являются переписи посадских дворов не по улицам, а по урочищам, частью сохранившимся до сих пор (Блонье), но большею частью уже утратившим свое старое наименование (Отцовская и Васильевская гора, Рясна, Щель, Крутой бояраг) [161]).

Главные городские улицы в XVI—XVII веке имели деревянные бревенчатые мостовые, обязанность мощения которых лежала на посадском населении. Остатки бревенча-

тых мостовых на месте Большого Торга у Лазаревских ворот были обнаружены при устройстве здесь электрической станции [162]). Несмотря на мостовые, улицы в Смоленске были чрезвычайно грязны. Б. Таннер в своем описании путешествия в Москву вспоминает о тех затруднениях, которые ему пришлось испытать от грязи при проезде через посад в Смоленске [163]).

До середины XVII века в Смоленске незаметно какой-либо резкой дифференциации города по социальной группировке его населения. В сущности даже затруднительно проследить какую либо разницу в составе населения города и посада. Расслоение их населения, наблюдаемое нами в 60—80 гг. XVII века, представляет явление более позднего времени, когда город получил исключительно значение военно-оборонительного центра. В XVI и даже нач. XVII века такой резкой разницы между населением города и посада провести еще нельзя; на ряду с посадом дворы посадских людей, насколько можно судить по сотным спискам Воскресенской сотни 1609 года, являлись преобладающими и в городе, с другой стороны городские дворы бояр встречаются и на посаде [164])· Служилые люди жили мелкими слободками среди посадских дворов; пушкарские слободки встречаются в нач. XVII века и на Васильевской горе, и на Рясне, и около Молоховских ворот [165]).

Центр городской жизни в XVI и нач. XVII века сосредотачивался на посаде за Днепром, где локализовалось главным образом посадское население. Посад за Днепром упоминается уже в сер. XV века. В начале XVII века, вместе с Пятницким концом, расположенным на месте нын. Богословской улицы, посад насчитывал, по польским источникам, 6.000 дворов (в то время, как во всем городе перед осадою 1609 года, по словам Мейерберга, было 8.000 дворов) [166]). Несомненно, эта цифра является не вполне точной и несколько преувеличенной по сравнению с действительной численностью населения Смоленска в это время (Поссевин, С· Бельский), но тем не менее она верно отражает сравнительно густую населенность посада, который в XVI—нач. XVII века был значительно обширнее самого города.

В первой пол. XVII века посад за Днепром, выжженный перед осадою города в 1609 году, пустеет. На месте посада на плане Гондиуса 1636 года мы видим уже одни пашни и огороды, население в это время существовало только в слободках между рр. Городнею и Шкляной, около Петропавловской церкви. В Пятницком конце в сер. XVII века

также насчитывалось всего 10 дворов [167]). Вновь застраивается посад только во второй пол. XVII века, при чем сравнительно быстрое восстановление и заселение посада было вызвано под'емом торговли Смоленска с Польшей и Ригой, которая сосредоточивается, как и в предшествующую эпоху, на посадском Литовском Гостинном дворе, а главное—вытеснением на посад торгово-промышленного населения, сидевшего прежде в городе, дворы которого отводятся под военно-служилые слободы.

В 60—80-х гг. XVII века посад за Днепром был обнесен деревянными укреплениями.

«Да за рекою Днепром около всего посаду от реки Днепра до Днепра ж зделан надолоб в две кобылины на девяти стах на тридцати на трех саженях» [168]).

Состав населения города постепенно изменяется в течении XVII века. В период магдебургского права (1610—50 гг.) посадское население, составлявшее в XVI веке преобладающий элемент в городе, вытесняется польско-литовской шляхтой, образовавшей в это время самую многочисленную колонию среди населения Смоленска. Шляхетские дворы встречаются в Смоленске и во второй пол. XVII века, расположены они были главным образом на Блонье, на Спасской горе, по Молоховской и Московской улицам [169]). Но в особенности резко изменяется состав городского населения в 60—80-х гг. XVII века вместе с устройством в городе военно-служилых слобод и поселением полков иноземного строя. До нас дошел целый ряд дел приказа княжества Смоленского 1660—70 гг., говорящих о постройке в Смоленске новых служилых слобод и выселении из города посадских людей. В 1666 году была устроена стрелецкая слобода для приказов стрелецких голов Ефимьева и Тяпкина на 1.000 чел. стрельцов «начиная от Солдатской слободы, что у Авраамиевского монастыря подле городовой стены по обе стороны Крутого боярага», т.-е. по нын. Зеленому ручью, жившим же здесь рейтарам, мещанам и донским казакам предписывалось «с тех мест... дворы свои свесть за город» [170]). В 1673 году под стрелецкую слободу была отведена Спасская площадь, на которой предполагалось поселить 184 стрелецких двора [171]). В 1679 году для стрелецких и пушкарских слобод было занято 96 посадских дворов от Королевского пролома до Днепровских ворот, на месте которых должно было быть построено 772 стрелецких двора [172]). Кроме того во второй пол. XVII века существовали—Солдатские слободы около Авраамиевского

монастыря и на Блонье, перенесенные в связи с перепланировкой города в 1779 году за городские стены, где они образовали нын. Солдатскую и Офицерскую слободы. В 1697 году упоминается солдатская слободка на посаде за Днепром около Петропавловской церкви, выше нее до сих пор сохранилась слобода Донщина представляющая остатки слободки донских казаков. Другая слободка донских казаков была расположена на Пятницком ручье по склонам Казанской горы [173]). Большая часть этих военно-служилых слободок помещалась, как видно из изложенного выше, около городских стен, образуя внутри их почти замкнутое кольцо военных поселений.

В связи с устройством военно-служилых слободок должен был довольно резко измениться и общий вид города, так как стрелецкие и солдатские слободы застраивались гораздо гуще и скученнее, чем дворы посадского населения. В то время как на один посадский двор в городе приходилось в среднем 69,0 кв. саж., стрелецкие дворы в слободах на Спасской горе и около Королевского пролома занимали в среднем только 8,5—12,4 кв. саж. [174]).

Как город, так и посад в XVI—XVII веке были окружены слободами, населенными посадскими людьми, а также монастырскими слобожанами. Слобода смоленского епископа на р. Большой Рачевке упоминается еще в конце XV века [175]). На посаде за Днепром, кроме монастырских слободок, в XVI веке были расположены две большие слободы, населенные посадскими людьми и ямщиками,—Загороденская слобода или «слободы за Городнею», лежавшие по р. Городне, и Ямская слобода на Московской дороге [176]), выжженные перед осадою города в 1609 году. Но уже во второй пол. XVII века на месте старых посадских слободок возникли вновь слободки Рачевка и Чуриловка, населенные мещанами и бобылями с их подсуседниками и захребетниками, приписанные в 1678 году к посаду [177]).

Обычное представление о тесноте и скученности застройки отдельных посадских дворов в городах Московской Руси XVI—XVII века, которое создается у нас при рассмотрении современных проспектов Килиана, Гондиуса, Олеария или рисунков русских городов Мейерберга, в действительности является обманчивым. В общем, судя по писцовым и переписным книгам того времени, размеры посадских дворов этого периода приблизительно уже совпадают с величиною современных нам городских дворов, где-нибудь на городских окраинах. В Смоленске средний

размер посадских и шляхетских дворов во второй пол. XVII века колебался от 69,0 до 160—140 кв. саж. и даже 600 кв. саж., при чем более мелкие дворы преобладали (вот средние размеры городских дворов в Смоленске: 30×20, 26×9, 25×12, 22×18, 17×12, 16×10); в XVI—нач. XVII века посадские дворы, повидимому, отличались большею дробностью, однако этот вывод можно сделать только на основании тех очень отрывочных данных, которые сохранились в делах Смоленской Приказной избы 1609—10 гг.; наряду с размерами дворов 15×8, 13×6, 10½×11½, в это время встречаются очень мелкие, почти микроскопические дворы, размер которых не превышал 6×3 кв. саж. [178]).

Самые крупные размеры имели боярские дворы, это об'ясняется тем, что боярское хозяйство в XVI—XVII веке в значительной степени еще сохраняло натуральный характер, при котором потребительские запросы двора удовлетворялись почти исключительно самим боярским хозяйством, отправлявшим по зимнему пути в город обозы со с'естными припасами, для хранения которых, а также для проживания боярской челяди на боярских дворах устраивались многочисленные хозяйственные постройки и службы. Двор боярина И. Д. Милославского, например, достигал 2337 кв саж. (57×41), двор полковника Ф. Лесли—3960 кв. саж. (66×54), двор боярина Н. И. Одоевского—1080 кв. саж. (35,3×30).

В состав двора боярина И. Д. Милославского, стоявшего в Смоленске на Блонье, в 1666 году входили следующие постройки:

«Хоромного строения две светлицы, одна с коморою, меж ими сени, три избы черные с сеньми, против изб амбар с сушилом и с подклетом, да баня, конюшня, ворота створные с калиткою, огорожен забором».

Двор боярина кн. Н. И. Одоевского:

«Хоромного строения—светлица с коморою, против сени, а на сенях чердак, баня с сеньми, светлица ветхая с коморою, против ее изба черная, между ими сени, три избы черные, одна с сеньми, а две без сеней, две клетки с сушилом на омшенниках, да ледник, да конюшня, изба новая недорубленная, ворота створные с калиткою, двор огорожен забором».

Значительно меньше жилых и хозяйственных построек встречается во дворах служилых людей. Двор головы смоленских стрельцов Д. Черницова состоял, например, из следующих строений:

«Строения—горница с комнатою на подклетах, под нею погреб, две избы черных, у ворот конюшня ветхая».

Двор под'ячего Петра Клочкова с огородом:

«Строения дворового—светлица с коморою, против ее пекарня с коморою, промеж ими сени, да изба черная, две клети, омшенник да конюшня, ворота створные, около двора забор» [179]).

При обилии в окрестностях Смоленска лесов как боярские, так и посадские дворы строились из дерева. На обилие лесов в крае иностранные путешественники указывают даже еще в конце XVII века. А. Лизек, посетивший Смоленск в 1675 году с римским посольством Баттония и Гусмана, говорит, что единственная дорога между Смоленском и Москвой пролегала по полосе вырубленного леса шириною около 30 футов с бревенчатой настилкой по болотам [180]). В XVI—XVII веке посадские и боярские леса подходили к самым городским стенам. По словам Герберштейна, Смоленск в его время был «опоясан обширными лесами, в которых добывается много различных мехов» [18]).

Поэтому понятно, если иностранцы рисуют нам и самый Смоленск исключительно деревянным городом. Даже в конце XVII века каменные постройки составляли в нем большую редкость. Смоленск, говорит Б. Таннер, посетивший его в 1678 году, «каменных домов, как и всюду в Московии, почти не имеет, а деревянных в нем очень много. Церкви почти все деревянные...» На господство деревянных построек в Смоленске в конце XVII века указывают также де-ла-Невилль в своих «Записках о Московии» (1689 г.) и голландский путешественник Корнелий ле-Бруин (1708 г.) [182]).

Хороших построек в городе встречалось мало, только жилые избы на боярских и шляхетских дворах отделывались с известной роскошью. В доме смоленского воеводы кн. Василия Масальского, например, по словам С. Немоевского, одна из комнат (сени) была убрана серебряной посудой, расставленной на столах, а другая (горница)—обита золотистыми итальянскими кожами. На Государеве дворе в светлицах стояли ценинные печи [183]). Обычно же жилые хоромы на боярских и шляхетских дворах состояли из двух или даже одной светлицы с коморами и сеней, иногда над сенями устраивался чердак.

Но эти немногочисленные боярские и шляхетские дворы тонули в массе серых изб большинства посадского населения. Тот же Немоевский говорит, что в его время (1609 г.)

дома в Смоленске, расположенные в стенах города, представляли массу клетушек, скорее хлевов, обнесенных стеной. Посадские избы были так малы и тесны, что спутникам Герберштейна для того, чтобы ввести лошадей в избу, отведенную им в Смоленске, пришлось разобрать стену. На ряду с деревянными избами, среди которых многие даже на боярских дворах еще были черными или курными, беднейшее население города ютилось в глинобитных землянках («глиняная похопка» упоминается в делах Смоленской Приказной избы 1609 года) и даже просто в земляных ямах [184]).

Кроме жилых и некоторых хозяйственных строений в составе посадских дворов часто входили огороды, а иногда и сады. Во дворах ремесленников—кузнецов, серебренников, бронников и других лиц, работа которых была связана с употреблением огня, стояли так же их горны и мастерские, помещавшиеся обычно на огородах. На огородах же и во дворах устраивались поварни, а также бани или мыльни. Изредка встречались каменные палатки, устраивавшиеся на городских дворах для сохранения имущества от татей и огня—этого бича старых русских городов [185]). Средства борьбы с пожарами были чрезвычайно примитивными, пожарных инструментов, также как и пожарных команд, не существовало. Для береженья от огня ставили «на хоромах и в рядах на лавках и на онбарех кади с водою или бочки с помелы или с веники на шестах» [186]).

В XVI и даже XVII веке часть горожан еще продолжала заниматься сельским хозяйством. Огороды и сады составляли не только обычную принадлежность шляхетских и посадских дворов, но устраивались также и в окрестностях города. За городом же существовало посадское пастбище, пашни и сеножати, так напоминающие альменду средневековых городов Запада. Городская альменда, на которой посадские люди или мещане имели свои пахотные участки и сеножати, упоминается в привилеях Смоленску 1611—25 гг., но следы ее можно найти значительно ранее, уже в привилее Смоленской земле 1505 года [187]). Для помола хлеба на рр. Городне и Рачевке были поставлены посадские водяные мельницы. Почти каждый горожанин держал скот, местское или посадское стадо упоминается уже в нач. XVI века [188]). Еще более сильно сельская атмосфера чувствовалась в посадских слободках, в которых сельское хозяйство составляло главное занятие населения даже в конце XVII века [189]).

Ансамбль Смоленска XVI—XVII века развертывает перед нами цельную и законченную систему города. С точки зрения той общественно-экономической формации, в условиях которой она возникла и сложилась, это—система города эпохи «феодального» хозяйства. Основными чертами этой системы, поскольку они получили выражение в социальном ландшафте Смоленска, можно считать: 1) дифференциацию окруженного стенами собственно «города» и торгово-промышленного посада, несущего в себе зародыш будущего торгово-капиталистического города, 2) концентрацию посада около рынка, как центра экономической и социальной жизни города, 3) резко выраженную иррегулярность и замкнутость плана города, 4) наметившуюся социальную дифференциацию городских дворов и 5) сельский характер городских посадов, сохранившийся до самого конца XVII века. Все эти особенности в общих чертах в той или иной мере находят свои параллели и в развитии западноевропейского города, где они являются в особенности характерными для городского быта в эпоху средних веков (XI—XIII вв.) [190].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. **Платонов С. Ф.** Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПБ. 1899, с. 68 сл.

2. Описание путешествия в Москву **Николая Варкоча М. 1875**, с. 13; **Флетчер Дж.** О государстве русском. Изд. 2. СПБ 1912, с. 73.

3. Voyages et ambassades de guillebert de Lennoy. Mons 1840, p.

4. Ряд договоров, которые Полоцк отдельно от Смоленска заключал с Ригою начинается 1264 годом; первый договор этого рода написан от имени литовского князя Герденя; решительный поворот в развитии торговых сношений Полоцка с Ригой наступил при Витовте. **См. Русско-Ливонские акты** соб. К. Е. **Напьерским. СПБ 1868, № 154** с. 120 и Копысский договор 1407 года. Хотя Копысский договор формально и об'являл свободу торговли по Зап. Двине, но фактически уже в 40-х гг. XV века немецким купцам был прегражден доступ на смоленский и витебский рынки. **Сапунов А.** Река Западная Двина, Вит. 1893, с. 284—5. Стремление Полоцка закрыть для немцев смоленский рынок отразилось также в полоцкой грамоте ок. 1479 г. **Русско-Ливонские акты** № 279, с. 159. Окончательно доступ немецким купцам на смоленский и витебский рынки был закрыт в 1498 году. См. Жалованную грамоту в. к. Александра г. Полоцку на магдебургское право. **Акты Западной России.** I, № 159, с. 180.

5. **Мемуары** относящиеся к истории южной Руси. I. К. 1890, с. 67. Относительно поездок тверских и московских купцов в Крым через Смоленск и Киев см. **Сборник** И. Русского Исторического О-ва. XXXV. № 2 (1488 г.), 7 (1489 г.), 28, 86 и др., сс. 9, 32, 155, 559 и др., в которых перечисляются также и предметы русского импорта из Кафы. Московские купцы, по словам Контарини, вели в Кафе, главным образом, торговлю мехами. **Библиотека** иностранных писателей о России В. Семенова. 1836, с. 21, кроме того ими отпускались на Юг—воск и мед. **Сборник ИРИО** XXXV, № 7—III (1489 г.), с. 26. Значение торговли с итальянскими колониями в Крыму было подорвано вместе с разрушением в 1475 году Кафы—главного центра генуэзской торговли, а затем захватом турками в 1490 году Очакова. Но торговые сношения с Крымом по «звыклой», «стародавней» дороге продолжались, несмотря на то, что черноморские степи были захвачены кочевниками. **Пичета В.** Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском Государстве. I. М. 1917, с. 48. **Грушевский.** Історія України—Рус[illegible] с. 8—9.

6. **Сборник ИРИО XXXV**, № 2, с. 9. Здесь же в верховьях р. Днепра был расположен Троицкий монастырь, служивший главным передаточным пунктом русско-литовской торговли. Записки о Московии **Сигиз. Герберштейна.** пер. И. Анонимова. СПБ. 1866, с. 110. Ср. **Замысловский Е.** Герберштейн и его историко-географические известия о России СПБ. 1884, с. 165.

7. Упадок смоленской торговли к концу XV века выявился уже достаточно резко. Доходы от смоленского мыта в 1499 году упали до 200 коп. литовских грошей, в то время как с полоцкого мыта в 1504 г. было собрано—400 коп., а с киевского вместе с вышегородским, в 1486 году поступило даже 960 коп. **Пичета,** с. 49. **Грушевский** VI, с. 12.

8. О выводе смоленских купцов в Москву упоминается в наказной памяти московскому дьяку Г. Загрязскому. **Сборник ИРИО** XXXV, № 96—III (1524 г.), с. 632.

9. **Документы** Московского Архива М-ва Юстиции. I. Доп. I, № 3 (1523—24 г.), с. 517. О значении торгового пути между Москвой и литовскими городами в XV веке свидетельствует Контарини. См. **Библиотека** иностр. писателей о России, с. III. Уже в 1478 г. по этому пути развивались оживленные сношения между Польшей и Германией, с одной стороны, и Москвой — с другой.

10. **Хроника Русская.** Чтения О-ва И. и Др. Российских. 1898. Кн. 4, с. 72 (1440 г.). В 1508 году доходы Смоленской войсковой коморы упали уже почти вдвое против доходов войсковой коморы в Полоцке. **Акты** Литовско-Русского Государства, изд. Довнар-Запольским. М. 1900. I, №№ 121 и 122 сс. 139—140. В 1511 году за один и тот же период было получено с Полоцкой войсковой коморы—1. 125 коп. литовских грошей, с Виленской—1.000 коп., а со Смоленской только 798½ коп. **Там же** I, № 133, с. 151.

11. **Любавский М. К.** Очерк истории Литовско-Русского Государства. Изд. 2. М. 1915, с. 370. Ср. также грамоту Василия Ивановича 1514 года. **Собрание** Государственных Грамот и Договоров. I, № 148, с. 412. В 1500 году смоленские мещане были освобождены, вследствие их ходатайства, от платежа мыта на пять лет. **Акты** Западной России. I. № 182 с. 209, ср. там же № 199, с. 347.

12. **Акты Западной России.** I, № 118 (1494 г.), с. 143 ср. там же № 144 с. 167.

13. **Сборник ИРИО** XXXV, № 102—IV, с. 746—7. Сильный толчек к развитию торговли между Литвой и Москвой дало закрытие в 1487 году ганзейской конторы в Новгороде, вызвавшее прекращение поездок литовских купцов в Новгород. В 1503 году для русских купцов был выстроен особый гостинный двор в Вильне. **Пичета,** с. 70. Balinsky Historya miasta Wilno.—II p. 36. Первый договор, защищающий интересы русско-литовской торговли был заключен в 1508 г. **Акты** Западной России II, № 36 с. 44. На смоленском рынке московские и тверские купцы являются постоянными клиентами уже в самом начале XVI века. **Любавский,** с. 371.

14. **Герберштейн,** с. 211—2. По этой же дороге на Минск и Борисов в 1606 году ехало польское посольство в Москву. **Сказания** современников о Димитрии Самозванце. II. СПБ 1859. Дневник Марины Мнишек и польских послов, с. 136—8.

15. **Собрание** Гос. Гр. и Дог. I, № 31 (1371 г.). **Акты** Западной России I, № 53 (1427 г.), с. 46—7. Ср. **Любавский,** с. 371. Через Тверь вели также торговлю с Вильной Тверь и Можайск. **Сборник ИРИО** XXXV, № 11 (1490 г.) II, с. 43, № 40—IV (1495 г.), с. 20.

16. **Сборник ИРИО** XXXV, № 14, 24, 28, 54. Смоленск вел также торговлю в конце XV—нач. XVI века с Можайском, Тверью (**Там же** № 55), Псковом (**Акты** Западной России I, № 38 (1440), Новгородом (**Чулков М.** Историческое описание Российской коммерции. Т. I, кн. I. СПБ. 1785, с. 190 сл.) Дмитровым.

17. **Сборник ИРИО** XXXV, № 102. **Любавский,** с. 371. Кроме Вильны в XVI веке Смоленск поддерживал торговые связи с Мозырем (**Русская Историческая Библиотека.** XX. Литовская метрика. I, № 266 (ок. 1516 г.),

Слуцком (**Историко-Юридические Материалы,** извл. из акт. книг губ. Витебской и Могилевской. XXXII, № 212 (1577 г.), Минском (**Акты** Литовско-Русского Г-ва. I, № 17 (1488 г.) с. 52.

18. **Кулишер И. М.** История русского народного хозяйства. М. 1925. II, с. 292 сл., который приводит данные о предметах западного вывоза в Россию в XVI—нач. XVII века на основании торговой книги, составленной в 1575 и 1610 гг., напечатанной И. И. Сахаровым в **Записках** Отд. Русской и Славянской Археологии ИАО. 1851. I.

19. **Флетчер,** с. 45. Об оживленной литовской торговле со Смоленском, в это время говорят и русские источники. См. **Акты** правления Василия Ив. Шуйского. «Смутное Время». II, № 32 (1609 г.), с. 73 («а литовские гости в Смоленск приходят со многими товары»).

20. Так было, например, при Василии Ивановиче в 1508 году. **Акты** Западной России. II, № 46.

21. **Акты Археографической Экспедиции.** I, № 365—I, с. 451 (1595 г.).

22. **Платонов,** с. 71.

23. **Полное Собрание Законов.** I, 912.

24. **Любавский,** с. 371. **Русско-Ливонские Акты,** № 135, с. 105

25. **Мурзакевич, Н. А.** История города Смоленска. См. 1903. Привилеи. № 2, с. 11 и 13 (1611 г.). О торговле солью см. также **Акты Исторические. V, 413.**

26. **Бернгард Таннер.** Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. Пер. П. Ивакина, с. 32.

27. **Русско-Ливонские Акты, № 135,** с. 105. **Голубовский,** П. История Смоленской земли до XV стол. К. 1895, с. 137 прим. I.

28. **Флетчер,** с. 12 и 14. В дворцовых селах под Смоленском пенькой собирался оброк с крестьян, в 1667 году он составил 881 берковец. **Дополнения** к Актам Историческим, V. 326.

Между прочим распространенное мнение о бедности почвы и отсталости сельского хозяйства в Смоленской области в XVI—XVII в. (**Платонов,** с. 75) опровергается единодушными показаниями современников о плодородии этого края в это время. См. **Герберштейн,** с. 108. **Флетчер,** с. 8, а С. Немоевский (**Титов, А:** Записки Станислава Немоевского. М. 1907, с. 150) еще в начале XVII веке считал Смоленскую область самой населенной и богатой частью Московского государства. Экономический кризис и запустение Смоленского края берут свое начало не ранее 10—30 гг. XVII века, когда эта область была сильно разорена, вследствие постоянных нападений русских и польских войск.

29. **Покровский, М. Н.** Русская история. I глава VIII, с. 283.

30. **Архив Истории Труда в России.** VIII, с. 7.

31. **Лященко, П. И.** История русского народного хозяйства. 1927, с. 127—8.

32. **Кулишер,** II, с. 8.

33. **Немоевский,** с. 150. **Alexander Gwagni** Kronika Sarmacyey Europskiey. Krak. 1611 p. 8.

34. **Петр Петрей-де-Эрлезунда.** История о вел. кн. Московском. Чтения О-ва И. и Др. Росс. 1864—67 (отд. отт.), с. 34. **Мартин Бер.** Летопись Московская. Сказания современников о Димитрии Самозванце. I, с. 28 и 102. **Записки Гетмана Жолкевского о Московской** войне, изд. П. А. Мухановым. СПБ. 1871, с. 29—30. **Дневник Маскевича.** Сказания. II, с. 24.

35. **Орловский И.** Смоленская стена. См. 1903, с. 14.

37. **Мурзакевич.** Привилеи, №№ 2—6, с. 10 сл. Введение магдебургского права являлось отражением развития денежных отношений **в народном** хозяйстве, так как одним из существенных **отличий**

немецкого права признается переложение земельной и натуральной повинностей на денежный оброк (zius, census) Ср. **Владимирский Буданов.** Немецкое право в Польше и Литве. Журнал М-ва Народн. Просвещения. 1868 г., VIII, с. 537. Аналогичное явление мы наблюдаем и на территории Московской Руси, начиная с XVI века. **Покровский,** I, с. 286 сл.

38. **Мурзакевич,** Привилеи, № 6, с. 22 (1625 г.) и № 3 с. 17 (1613 г.).

39. **В. Буданов.** (Там же, с. 468), а вслед за ним **Леонтович Ф.** (Сословной тип. территориально-административного состава Литовско-Русссского Г-ва. Журнал М-ва Нар. Просвещения. 1895 г., VI, с. 376), считали, что введение магдебурского права, несмотря на стремление к под'ему городской жизни, в действительности оказало отрицательное влияние на социально-экономическое развитие городов Польши и Литвы. Причины этого они видели главным образом в подавлении в магдебургиях общественной самодеятельности и развитии экономической эксплоатации городов со стороны польских колоний (в Литве), в Смоленске положение осложнил также кризис внешней торгрвли города, в виду закрытия московской границы.

40. **Акты Южной и Западной России,** III, № 292, с. 374, доп. № 21 с. 26. В первой пол. XVII века вовсе был закрыт вывоз из Московского государства в Литву и Польшу—меда, воска, вина, хлеба, мяса, рыбы, и соли, т.-е. почти всех главнейших предметов русского экспорта на Запад. **Виноградов И.** Исторический очерк г. Вязьмы. М. 1890, с. 85—6. О торговле Смоленска с Вязьмой в это время см. также **Акты** Южной и Западной России, III, №№ 25, 39 и 290. В 1649 г. смоляне, несмотря на существовавшее запрещение, покупали за рубежом хлеб, причиною чего был постигший в этом году Смоленскую область недород. **Там же,** № 292 и Доп. № 23.

41. Relation d'un voyage en Moscovie écrité par. **Aug de Meyerberg** „Bibliotheque russe et polonaise". V. II. P. 1858, p. 154.

42. **Костомаров Н.** Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII стол. СПБ. 1889, с. 192.

43. **Собрание** Гос. Гр. и Дог. IV, 205 и 230. **Костомаров,** с. 53 и 54.

44. **Никитин П.** История города Смоленска. М. 1848, с. 217—8; 221. С Кенигсбергом и Данцигом смоленские купцы вели торговлю и в XVIII веке. **Чулков** II, кн. I., с. 87 сл.; 116.

45. **Чулков,** т. IIкн. 1.

46. **Милюков. П.** Очерки по истории русской культуры. СПБ. 1909. I, с. 194.

47. Об устройстве военно-служилых слобод в Смоленске в 60—80-х гг. XVII века см. ниже, там же приводятся источники. К этому же времени относится закладка под Смоленском трех новых городов на литовско-русской границе в Досугове, Зверовичах и Красном, которые должны были укрепить ближайшие подступы к Смоленской крепости. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 12. 1664 г., № 6.

48. **Орловский,** с. 118—9.

49. **Корб, И.** Дневник путешествия в Московию (1698—99 гг.). Пер. А. Малеина. СПБ. 1906, с. 36.

50. **Герберштейн,** с. 108.

51. **Кобенцель Г.** Письмо о Московии. Журнал М-ва Нар. Просвещения. 1842 г., XXXV, с. 140.

52. **Antonii Possevini** Moscovia. Antv. 1587, p. 19. **Какаш и Тектандер** (Путешествие в Персию через Московию 1602—3 гг. Пар. А. Станкевича. М. 1896 г., с. 12) называют Смоленск городом весьма богатым жителями (volkreih).

53. **Diariusz Samuela Bielskiego.** Иностранные сочинения и акты, собр. К. М. Оболенским. III. М. 1848 г., с. 13, в числе 20.000. Сам. Бельский считал только население годное для битвы.

54. **Бюхер, К.** Возникновение народного хозяйства. П. 1918, с. 243.

55. **П. Де-Эрлезунда,** с. 34.

56. **Памятники Обороны Смоленска** 1609—11 гг., изд. Ю. В. Готье. Чтения О-ва И. и Др. Росс. 1912 г., I, № 232 («Роспись смоленского гарнизона по башням») дает около 1910 ратных посадских людей. **Мурзакевич,** Привилеи, № 12, с. 35—6.

57. Привилей Смоленской земле 1505 года. **Любавский,** с. 369, ср. также жалованн. грамоту 1514 года. **Собрание** Гос. Гр. и Дог. I, № 148, с. 411. В общем говоря грамота 1514 года, как давно уже отметил исследователь земских привилеев Литовско-Русского Государства, только фиксировала те социально-правовые отношения, которые сложились в Смоленской области в предшествующую эпоху. **Якубовский И. В.** Земские привилеи вел. кн. Литовского. Журнал М-ва Нар. Просвещения. 1903 г. V, с. 282. В городах же Московского Государства вообще не существовало различия между черными людьми—жителями городов и черными людьми сел и деревень. **Чечулин Н. Д.** города Московского Г-ва в XVI в., с. 309.

58. **Памятники Обороны,** № 234 с. 158 сл. («Список посадских людей и Восресенской сотни»). В дворниках сидели отставные стрельцы и крестьяне. Там же, № 53, с. 33. Ср. **Кулищер,** с. 181—5.

59. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Госуд. Архивный Фонд (Москва). Кн. 25, 1672 г., № 4, Кн. 29, 1673 г., № 16. Выпись из писцовых книг Василия Ельчина 1659 года. **Писарев,** с. 221—2.

60. В XVI нач. XVII века в Смоленске упоминаются следующие монастыри—Петровский (за Днепром), Покровский (за Днепром), Печерский (за Днепром), Спасский, Архангельский, Борисоглебский, Духовской, Троицкий, Авраамиевский (в городе) и Пятницкий (в городе). Памятники Обороны № 233, с. 153; № 101, с. 55. **Diariusz Samuela Bielskiego** с. 18. **Сборник ИРИО** XXXV, № 75—IX (1503 г.), с. 400. Акты Западной России II, № 43 (1508 г.), с. 53. Иностранцы передают со слов русских, что в Смоленске в конце XVI века было до 200 церквей (sic), **Варкоч,** с. 13. Относительно многочисленности в этом городе церквей говорит и Д. фон-Бухау. См. **Аделунг Ф.** Критико-литературное обозрение путешествий по России. Чтения О-ва И. и Др. Росс. 1863 г., II, с. 190. Аналогичную картину мы наблюдаем и в средневековом городе на Западе. «От всякого описания любого средневекового города,—говорит **В. Зомбарт,**—у нас остается впечатление, что он чернел от сутан и клобуков». (Современный капитализм. Л. 1924 г. I, с. 96). То же говорит о русских городах в XVI веке **Флетчер,** с. 98.

61. **Акты Западной России.** I, № 144—1, с. 167.

62. **Памятники Обороны,** № 233 с. 158.

63. **Любавский,** с. 370 («а бояром смоленским в закладни людей своих не казал его милость приймати»).

64. **Памятники Обороны** № 234, с. 158 («Список посадских людей Воскресенской сотни»), № 235, с. 163 («Список посадских людей Везовенской сотни»). Мещане смоленские впервые упоминаются среди мещан других городов Литовско-Руссского Государства в подтвердительном договоре в. к. Свидригайла с Ливонским орденом в 1432 году. **Русско-Ливонские Акты,** № 232.

65. **Памятники Обороны,** № 232, с. 151 («Роспись смоленского гарнизона по башням»).

66. **Мурзакевич,** Привилеи, № 12, с. 35—6.

67. **Кизеветтер А.** Посадская община в России в XVIII стол. М. 1903. с. 91; сравн. **там же** примеч. 1.

68. **Русская Историческая библиотека.** XX. Литовская метрика. Кн. II судных дел. № 145 (ок. 1510—11 гг.), с. 754. **Там же,** Кн: I судных дел № 49 (1510 г.), с. 51—2. Как отдельные мещане, так и магдебургии владели населенными селами с землями пашенными и бортными в Литовско-Русском Государстве на общем земном праве, как и шляхта, до Люблинской унии 1569 года, когда магдебургии вошли в общий состав господарских экономий, к этим же экономиям отошли и старые мещанские села с землями. **Леонтович,** VI, с. 378. **В. Буданов,** VIII, с. 269.

69. **Полное Собр. Законов,** ст. 14781.

70. **Памятники Обороны,** № 234, с. 159 сл. («Гриша Исаков сын сапожника с самопалом, да сусед ево Карпик с копьем... Степан Щербак с суседом с Степанком, Степан с самопалом, а сусед его с копьем» и т. д.), № 235, с. 163 сл. Во второй пол. XVII века на ряду с подсуседниками упоминаются также захребетники, относящиеся к тому же разряду посадского населения, как и подсуседники. **Мурзакевич,** Привилей, № 13, с. 41. Ср. **Довнар-Запольский М.** Промышленная и торговая жизнь Москвы в XVI и XVII вв. 1910, с. 33 сл., 90 сл.

71. **Памятники Обороны,** № 234, с. 161. Интересно отметить, что Илейка и Васька хлебники, имевшие батраков, сами были подсуседниками калачника Купри Минина.

72. **Там же** № 234, с. 161 («Список посадских людей Воскресенской сотни»), № 248, с. 212 и № 250, с. 214.

73. **Кулишер,** с. 192.

74. **Памятники Обороны,** № 234, с. 158 сл.; № 248, с. 212—3; № 122 с. 72 и друг.

75. **Там же,** № 232, с. 158 и 153.

76. **Мурзакевич,** Привилеи, № 2 с. 11.

77. **Памятники Обороны,** № 234, с. 158 сл.

78. **Мурзакевич,** Привилеи, № 2 (1611 г.), с. 13.

79. **Там же,** Привилеи, № 12 (1656 г.), с. 36. В 1613 году смоленским мещанам было отдано десять кирпичных заводов, расположенных около города, несомненно из числа заведенных для постройки Смоленской стены. **Мурзакевич,** Привилеи № 5, с. 18.

80. Кирпичные сараи находились: за р. Городнею, около Петропавловской церкви, в 1675 году, здесь стояло 3 сарая размером 44×4 саж. каждый; около городской стены за Еленскими воротами и в окрестностях Смоленска—близ с. Стабны и на пустоши Глинищах около Гнездова. Обжигательные печи на этих «заводах» были устроены «немецким образом». **Дела Приказа в. к. Смоленского** Кн. 34, 1675 г., № 19. **Biblioteka** ordynacyi Krasinskich. XIII. Dyariuss woiny Moskiewskiei 1633 roku. **«Сметная роспись Гура Вахрамеева»** Смоленские Еп Ведомости 1883—84 гг., с. 18—50.
1883—84 гг., с. 18—50.

81. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 34, 1675 г., № 19 («Роспись стрелецких караулов») В 1669 году был заведен железный завод на р. Ольше около Смоленска. **Там же.** Кн. 25. 1669 г:, № 12 («Отписки и отпуска грамот в Смоленск о найдении разных руд, так же и о заведении железного в Смоленском уезде на речке Ольше завода, о продаже зделанного на том заводе железа»).

82. **Любавский,** с. 372. **Собрание** Гос. Гр. и Дог: I, № 148 (1514 г:), с. 413.

83. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 33, 1675 г., № 2 (**«Книги** переписные лавкам, анбарам и разным окладным местам»).

84. **Мурзакевич,** Привилеи, № 5 (1613 г.), с.с. 18—20, № 13 1678 г.), сс. 40—41 и № 12 (1656 г.), с. 38.

85. **Акты Западной России,** II, № 23—1 (1507 г.), с. 26. **Любавский,** с. 372—3.

86. **Флетчер,** с. 73.

87. **Немоевский,** с. 154 и ср. там же с. 26.

88. Такой прибор был сделан в Смоленске воеводою Шеиным во время осады города в 1611 году. **Памятники Обороны № 227,** с. 134 («Поручные записи новоприборных стрельцов»).

89. **Памятники Обороны,** № 229 с. 140 («Роспись артиллерии, боевых припасов и пушкарей 1609 г.»), **Археографический сборник** документов Сев.-Зап. Руси. XIV. Инвентарь г. Смоленска и Смоленского воеводства 1654 г., с. 5. Пушкари в 1654 году были поселены в Ивановском и Вопецком станах, в каждом по 31 чел.

90. **Памятники Обороны,** № 242 (1610 г.), с. 185.

91. **Там же,** № 239 (1609 г.), с. 170.

92. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. № 6 (1665 г.) «Росписной список воеводы кн П. Прозоровского», л. 207 об.—л. 209 об.

93. **Собрание** Гос. Гр. и Дог. I, № 148 (1514 г.), с. 412. Ср. **Котошихин, Г.** «О России в царствование Алексея Михайловича. СПБ. 1849 г., с. 37. «А в городах... и в Смоленске... ямщиком деньги собираются с тамошних уездных крестьян и дают жалованья против того же, что и московским, а устроены ямские слободы дворов по 30, и по 40, и по 50, и по 80, и по 100».

94. **Чтения** О-ва И. и Др. Росс. 1911. III. «Роспись начальных и рядовых людей, рейтарского, драгунского и солдатского строя на службе в Москве и городах» (1663 г.), с. 14—15, «Роспись стрельцам и казакам, которые ведомы в стрелецком приказе» (1663 г.). **Там же,** с. 26—27; (Роспись дворянским полкам» (1663 г.), Там **же, с. 7. Ср.** Дела приказа в к. Смоленского. Кн. № 6. «Росписной список воеводы Прозоровского» 1665 года.

95. Так как точная цифра посадского населения во второй пол. XVII века в Смоленске нам неизвестна, мы принимаем численность его населения по первой ревизии 1724 года—2.028 чел. ревизских душ. **Кизеветтер,** с. 91.

96. Этот проспект впервые был опубликован в **Памятной книжке** Смоленской губ. за 1864—65 год, а затем **Писаревым** С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. С. 1898 г.

97. **Biblioteka** ordynacyi Krasinskich. XIII. Приложение: План осады Смоленска в 1633 году.

98. **Археографический Сборник XIV,** I с. с. 1—5.

99. **Чтения О-ва И.** и Др. Росс. 1912 г., I.

100. Гравюра **Г. Келлера** известна в нескольких различных оттисках, один из них был издан **Покрышкиным П. П.** в «Известиях» И. Археологической Комиссии.

102. **Герберштейн,** с. 108. **Кобенцель,** с. 140.

103. **Москевич,** с. 24.

104. **Сказание Адольфа Лизека** о посольстве от имп. римского Леопольда к в. к. московскому Алексею Михайловичу в 1675 году. Журнал М-ва Нар. Просвещения. 1837, X, с. 337.

105. **Acta Tomiciana.** III, p. 2.

106. **Замысловский,** с. 374 прим. 27.

107. **Герберштейн,** с. 108. **Кобенцель,** с. 140: **Варкоч,** с: 13:

108. **Мурзакевич, Н. Н.** Достопамятности Смоленска. Чтения О-ва И. и Др. Росс. 1846 г., № 2, IV, с.

109. **Данилевский, А.** Материалы военно-ученого архива. **Картографические** материалы. II. СПБ. 1904, с. 35.
110. **Possevini.** Moscovia, p. 19.
112. **Памятники Обороны,** № 132 с. 76—7. «Роспись полицейских раз'ездов»).
113. Самый ранний список башен Смоленской стены датирован 1609 годом. **Памятники обороны,** № 229 с. 140—7 и № 232 с. 151—8. Затем следует список башен, помещенный в инвентаре г. Смоленска и Смоленского воеводства 1654 года. **Археографический сборник XIV.** I с.1—2. Ко второй пол. XVII века относится несколько списков, помещенных в росписных списках смоленских воевод 1659, 1665, 1672, 1681 и 1694 гг. **Дела приказа в к. Смоленского Кн. №№ 5, 6, 11, 15, 20 и 36.** К этому же времени относится список башен, составленный **Гуром Вахромеевым.** Смоленские Еп. Ведомости. 1883—84 г. с. 18—50: В литературе были использованы до сих пор только списки 1609 года и Гура Вахромеева (**Орловский,** с. 27—48; **Покрышкин,** с. 14—25; **Писарев,** с. 114—7), между тем наиболее полное описание смоленской стены в XVII веке дают росписные списки этого времени, находящиеся в **Делах** приказа в. к. Смоленского.
114. **Дела приказа** в. к. Смоленского. 1665 г. кн. № 6 л. 238 об.—241 и 258—259 об.
115. **Там же, 1665 г., кн. № 6, л. 261 и 255.** Ср.: **Русская Историческая Библиотека** I. Wyprawa Krola i m. do Moskwy 1609, с. 477. 614. О деревянных шатровых покрытиях башен Смоленской стены упоминает еще французский путешественник Шантро в конце XVIII стол. **Chantreau.** Voyages philosophique, politique ot literaire fait en Russie, pend. les années 1788 et 1789. II. Hamb. 1794 p. 262.
116. **Сборник ИРИО XXXV,** № 35—1 (1495 г.), с. 183. **Акты Археографической** Экспедиции 1, № 365—11 (1596 г.), с. 451.
117. **Дела приказа** в. к. Смоленского. Кн. 74, 1697 г. № 11.
118. **Орловский,** с. 92, **Немоевский,** с. 24.
119. **Дела приказа** в. к. Смоленскаго 1665 г. Кн. 6 л. 270 об.—271. Эти укрепления существовали еще в конце XVIII столетия. См. **Chantreau** IIp. 262. **Dictionnaire** geograph-historique de l'Empire de Russie par Wsevolojski. M. 1813. p. 213. В настоящее время старый крепостной ров сохранился только между Авраамиевскими воротами и Долгачевской башней и между Громовой башней и Королевской крепостью.
120. **Лизек,** с. 337.
121. **Археографический Сборник XIV,** I, с. 3—5. Ср. также **Дела** приказа в. к. Смоленского Кн. 41. 1679 г. № 17 («Опись и мера новому каменному г. Смоленска строению и пролому, называемому Королевским»).
122. **Мурзакевич,** Привилеи, № 6 (1625 г.), с. 24. **Лавровский Л.** (Новые данные по топографии Смоленска по документам Смоленской Приказной Избы. См. 1914 с. 18—20) высказывает предложение, что на месте этой площади в XVI веке были расположены Богоявленская и Ильинская улицы, населенные посадскими. Ср. **Памятники Обороны,** № 168 с. 101.
123. **Дела приказа** в. к. Смоленского. Кн. 25, 1672 г., № 4 л. 535.
124. **Там же,** Кн. 30, 1673 г. № 19 в. В 1667 году в оружейных амбарах находилось в запасе, кроме расставленных по башням 274 пушки, к каждой пушке были припасены ядра по сотне и более, кроме того хранилось 73 малых орудия, разные военные снаряды и пр. Среди пушек, хранившихся в оружейных амбарах, упоминаются—русские, старого смоленского наряда, и новые—московские, тульские, каширские, польские, литовские, шведские, голландские и немецкие.

Дополнения к Актам Историческим, V, 294—310. **Дела приказа** в. к. Смоленского. Кн. 16. 1667 г., № 5. Относительно местоположений Житного двора см. **Акты** Московского Государства. III, № 47 (1660 г.), с. 47. Повидимому, здесь же был расположен и старый Житный двор, упоминаемый в **Памятниках Обороны,** № 238. **Лавровский,** с. 9—10.— определял его местоположение неверно. В XVIII веке на месте Оружейных амбаров стоял Артиллерийский двор, он был расположен на углу б. Вознесенской и Ильинской ул. См. План Смоленска 1779 г. **Кн. Чертежей и Рисунков** к Полному Собр. Законов. СПБ. 1839 г., л. 315.

125. **Geisler W.** Die deutsche Stadt. Ein Beitrag zur Morphologie der Kulturlandszaft. Sttut. 1924. s. 75. 88.

126. **Трофимовский.** Историко-статистические описание Смоленской еп. См. 1854 г., с. 254. Мнение С. П. Писарева, затем принятое И. И. Орловским и другими, относительно возникновения в XII веке в Смоленске особого «княжеского города», локализуемого ими при устье р. Смядыни, основано на поверхностном, а часто просто произвольном толковании бывших в их распоряжении источников (см. например, **Писарев,** с. с. 14—15, 18, 31 сл., 49 сл., 65 сл., 89—90, 105). В основу легенды, созданной Писаревым легло местное предание о существовании на р. Смядыни, около Свирской церкви, княжеского двора, с которым мы встречаемся уже у **Трофимовского,** с. 208 и **Никитина,** с. 8. Ошибки Писарева повторяет **Орловский** (Борисоглебский монастырь на Смядыни. «Смоленская старина». I, С. 1909, с. с. 206 сл., 218—19, 219 сл., 230 сл., 237, 238—9). Судя по известию Ипатьевской летописи о построении около 1197 года смоленским кн. Давидом Ростиславичем церкви Михаила на Смядыни (**П. С. Р. Л. 11,** л. 197) здесь можно предполагать лишь существование княжеского села, в которых князья часто устраивали свои загородные дворы, но никак не княжеского городского двора, а тем более легендарного княжеского «города».

127. **Сборник ИРИО XXXV,** № 35—1 (1495 г.), с. 183. См. также **Любавский,** М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского Государства. М. 1892, с. 269, 301 и прил. № 3.

128. **Археографический сборник XIV, I,** с. 5. Судя по описанию Государева двора, в сер. XVII века он находился в полном упадке. Ср. также **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 30, 1673 г., № 196.

129. **Дела приказа** в. к. Смоленского. Кн. 25. 1672 г., № 4; Кн. 14, 1666 г. № 2 и Кн. 40, 1678 г. № 21. Государев сад упоминается и в делах Смоленской Приказной Избы нач. XVII века. **Памятники Обороны,** № 38, с. 46. См. также № 153, с. 88). («Об'явление о продаже вишен на патоке из Государева погреба»).

130. Впервые под этим наименованием она встречается в 60-х гг. XVII века. **Дневник Ген. Патрика Гордона.** (1661—84 гг.). Чтения О-ва И. и Др. Росс. 1892 г., III, с. 48. **Дела** приказа в. к. Смоленского, **Кн. 14,** 1666, № 2.

131. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 14. 1666 г. № 2 («Переписные и мерные книги находящимся в г. Смоленске дворам»). Ср. также Кн. 25. 1672 г. № 4 Городские дворы бояр упоминаются в Смоленске уже в конце XV века. **Сборник ИРИО XXXV,** № 19—11 (1493 г.), с. 81. **Русская Историческая Библиотека.** XXVII. Литовская Метрика I, № 74 (1482 г.), с. 386.

132. **Дела** приказа в. к. Смоленского Кн. 1666 г. № 2.

133. **Зомбарт.** Современный капитализм. I, с. 97.

134. В судной грамоте в. к. Александра еп. Иосифу о праве на владение Детковским садом в Смоленске 1497 г. упоминается боярин смоленского епископа Пахом. **Акты** Западной России. **I, № 148 с. 172—3,**

в другом месте встречается маршалок смоленского епископа. **Там же.** № 70 (1475—90 гг.), с. 86—7.

135. **Буслаев Ф.** Исторические очерки русской народной словесности и искусства. II. М. 1861 г. Смоленская легенда о Меркурии Смоленском, с. 175.

136. **Русско-Ливонские Акты.** Договор смоленского к. Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, с. 447. **Русская Историческая Библиотека.** XX. Литовская метрика. Кн. I судных дел. № 269 (ок. 1516 г.) с. 356.

137. **Хроника Павла Пясецкого.** Памятники древней письменности и искусства. СПБ. 1886 г., с. 40—41.

138. **Сборник** библиотеки Оссолинских в Львове № 231, с. 254—5. **Кашпровский, Е. И.** Учреждение Смоленской епископии. К. 1896, с. 5 примечание I.

139. **Сборник** библиотеки Оссолинских в Львове № 168, с. 566. Там же, с. 5 прим. I.

140. **Мурзакевич,** История Смоленска, с. 169. Литовская метрика № 108 л. 17. **Строганов, П.** Патриарший Бизюков монастырь. М. 1914. Прил. с. XXXVIII.

141. **Ширяев. С. Д.** Памятники барокко и влияние зодчества Москвы в архитектуре Смоленска XVII и XVIII века. Труды Смоленских Гос. Музеев. I. 1914 г., с. 12 с. л.

142. **Памятники Обороны,** № 66, с. 38.

143. **Там же,** № 45 с. 27; № 47 с. 28. С другой стороны остатки кузнечных, кожевенных, сапожных и др. мастерских, стоявших на Большом торгу, были найдены при раскопках на месте постройки электрической станции около б. Лазаревских ворот. **Неклюдов, М. и Писарев С:** О раскопках в Смоленске. С. 1901, с. 19. У Гондиуса (**Даниловский,** с. 33) Пятницкие ворота названы Porta Carnitiana, может быть по стоявшим около них мясным рядам, построенным в 1611 году. Ср. **Мурзакевич,** Привилеи, № 2, с. 13.

144. **Памятники Обороны,** № 47 с. 28—9.

145. **См. примечание 14.** Великая дорога из Литвы и Польши на Москву в XV веке шла, под Смоленском на Чуриловичи на Горах (теперь д. Чернушки) и далее по берегу р. Днепра через Пятницкие и Лазаревские (или Крылошевские) ворота на перевоз на Днепре, расположенный против слободы смоленского епископа на р. Б. Рачевке. **Акты** Западной России. I, № 145 (1497—99 гг.) с. 170 и № 144, с. 167. В XVI веке эта дорога несколько изменила свое направление, поворачивая от Большого Торга через Днепровские ворота и Большой Днепровский мост на посад за Днепром. **Акты** Археограф. Комиссии. I, № 365—11, с. 451

146. **Акты Западной России.** I, № 144, с. 167 («в Крылошевском конце, на Днепре, на пристани»).

147. **Памятники Обороны,** № 47 с. 28. Местоположение Кружечного двора на Большом Торгу указывают на месте дома б. Щекотова на углу Соборной горы и Армянской улицы.

148. **Памятники Обороны,** № 85, с. 47, № 66 с. 38 и друг.

149. **Акты Археограф. Экспедиции.** I. № 365—II, с. 451 (1595 г.)— «а ехали б есте в Смоленску посадом мимо гостин литовской двор, да через Днепр большим мостом в город к Пречистой богородице к соборной». **Дела приказа** в. к. Смоленского. Кн. 25 1672 г., № 4 и Кн. 74, 1697 г. № 11.

150. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 33. 1672 г. №2. **Таннер,** с. 32.

151. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 34. 1675 г. № 19 («Роспись стрелецких караулов») Ср. **Белов Г.** Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. Пер. под ред. Д. Петрушевского. М. 1912. с. 58—59. Одна из улиц на посаде за Днепром до сих пор сохранила название Кокуевской (ср. **Олеария** о слободе Кукуй в Москве). Возможно, что Кокуевская улица, расположенная на старой торговой дороге из Смоленска на Касплинскую пристань, служившую главным транзитным пунктом для торговли Смоленска с Ригой, сохранила свое название от прежде расположенной в этом месте Немецкой слободы, существовавшей в Смоленске в эпоху расцвета ганзейской торговли. Во всяком случае эта местность является одним из древнейших торговых пунктов Смоленского посада. Уже в пер. пол. XIII века здесь возникла купеческая сотня, концентрировавшаяся около Петропавловской церкви («Петровское сто»). **Буслаев,** с. 173. Среди населения этой сотни мы встречаем Меркурия смоленского, происходившего, как указал еще Ф. И. Буслаев, из немцев. **Там же,** с. 197 ср. с. 189. Повидимому, в этой же местности во второй пол. XVII века был устроен и двор для приезжих купцов, упоминаемый в росписи 1675 года.

152. **Мурзакевич,** Привилеи № 2, с. 14 (1611 г.) **Писарев,** с. 169. Ширяев, с. 9. Ср. **Литовская метрика.** № 99, с. 532—3 (1623 г.). **Строганов,** Прил. с. XVIII—XIX («иже жадные торги и гандли нигде ин уде быть не мают, одно под ратушом в мурех»).

153. **Мурзакевич,** Привилеи № 2, с. 14 (1611 г.). **Мурзакевич Н. Н.** Достопамятности Смоленска, с. 16 прим 42. **Писарев,** с. 169. **Аксенов М.** Историческая записка о Смоленской губернской гимназии. I. С. 1912, с. 15. **Ширяев,** с. 9.

154. **Погодные Записки Смоленских Иезуитов,** изд. Л. Я. Лавровским, Смоленская старина III, вып. II. См. 1916 с. 15.

155. **Ширяев,** с. 17—23. **Вишневский Д.** Время возникновения в Смоленске Вознесенского м-ря. Смоленские Еп. Ведомости. 1898, № 18.

156. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 33, 1675 г. № 12 («Книги переписные в Смоленске лавкам, анбарам и разным окладным местам»).

157. **Possevini.** Moscovia. p. 14.

158. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 33. 1675 г. №2.

159. **Там же,** кн. 34. 1675 г. № 19. **Памятники Обороны** № 133, с. 77 (1609), а также дела о корчемстве и игре в зернь. Там же №№ 87, 95, 112, 117, 120 и друг. В 1626 году в Смоленске было 2 корчмы, одна из них стояла около мельницы (?), а другая у Днепровского моста. **Мурзакевич,** Привилеи, № 6, с. 21.

160. **Белов,** с. 31. План Смоленска 1779 года. **Книга Чертежей и рисунков,** л. 315.

161. Памятники Обороны № 132 с. 76—7, № 168 с. 101. На Резницкой ул., расположенной близ Большого Торга, в XV—XVI веке повидимому жили резники, упоминаемые в привилее Смоленской земле 1505 года **Любавский,** с. 371; аналогичное происхождение имело название церкви Богородица Гончарская в Воскресенской сотне. **Памятники Обороны,** № 107 с. 63, № 234 с. 162 («В Семеновом дворе дворник Самсынко гончар на церковном на гончарском месте живет»). См. также **Лавровский.** Новые данные по топографии г. Смоленска. См. 1914. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 25. 1672 г. № 4, Кн. 14 1666 г., № 2 и Кн. 29, 1673 г. № 16. **Акты** Западной России. I, № 144 с. 166—7.

162. **Любавский,** с. 372 («А хто коли помостное заведает на городе, тот бы с тых людей, которых делница сказится, а зася замостит, а чья делница мосту будет цела, на том бы ничего не брал»). **Неклюдов и Писарев.** О раскопках, с. 12 и 17. Позднее обязанность исправления мостовых лежала на стрельцах. В 1677 году пятидесятники и десятники

стрелецкие подали челобитную, из которой видно, что они делают в Смоленске всякое дело «и городовую кровлю ж і всякое каменное городовое дело», «они ж и через Днепр. мост и мостовые клетки (делают) і в городе по улицам мосты мостят и колодези копают». **Дела** приказы в. к. Смоленского. Кн. 30, 1673 г., № 19.

163. **Таннер,** с. 31.

164. **Памятники Обороны,** № 234 с. 158—163. **Акты Виленской** Археографической Комиссии. XIII, № 7—XI, с. 16 (1508 г.).

165. **Памятники Обороны,** № 239, с. 170—3. («Роспись для сбора даточных людей, помещенных у смоленских пушкарей»).

166. **Пол. Собр. Русс. Лет.** XVII. Супрасльская лет. 1443 **г. с.** 69 («Той же весны повод была велика во Смоленску, вес посад поняла, мало не дошла вода до Покровскыя горы»). **Русская Историческая Библиотека.** I. Wyprawa króla. 1609 г., с. 446. **Meyrberg.** II, p. 154

167. В пер. пол. XVII века между р. Городней и Шклянной существовала слободка и мельница смоленского епископа, снесенная перед осадою Смоленска в 1633 г. Литовская метрика. № 97, л. 214—5 (1621 г.) и № 108 л. 103—5 (1633 г.). **Строганов,** Прил. с. XVII и XXXIII. Акты Археограф. Вил. Комиссии. I, № XXI, с. 68—9 (1634 г.). Кроме того упоминаются улицы на посаде около Днепровского моста. **Акты** Южной и Западной России. III. № 292 (1649 г.), с. 373, но едва ли в пер. пол. XVII века здесь могло быть многочисленное население, так как посады выжигались и перед осадою 1633 г., и 1654 г.

168. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. № 6 («Росписной список воеводы Прозоровского»). В 1706 году (**Орловский,** с. 118—120), по другим данным в 1724 году (**Мурзакевич,** История, с. 107—108) на месте посадских укреплений был построен кронверк перед Днепровским мостом.

169. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Переписные книги: Кн. 14. 1666 г. № 2, Кн. 25. 1672 г. № 4 и Кн. 29. 1673 г. № 16, Выпись из переписных книг Василия Ельчина. 1659 г. **Писарев,** с. 221—2.

170. **Дополнения** к Актам Историческим, V, 78 (1666 г.).

171. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 29. 1673 г. № 16.

172. **Там же.** Кн. 41. 1679 г. № 18.

173. **Дополнения** к Актам Историческим. V, с. 78 (1666 г.).

174. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 29. 1673 г. № 16.

175. **Акты Западной России.** I, № 144, с. 167.

176. **Памятники Обороны.** № 232, с. 151. **Акты** Исторические. 11, с. 416.

177. **Мурзакевич,** Привилеи, № 13. с. 41—42.

178. **Дела** приказа в. к. Смоленского Кн. 14. 1666 г. № 2, Кн. 29. 1673 г. № 16. Выпись из переписных книг Василия Ельчина 1659 г. **Писарев,** с. 221—2. **Памятники Обороны.** № 45 с. 27 (1609 г.), № 43, с. 26 (1609 г.), № 47, с. 29. По сравнению с величиною дворов в других городах Московской Руси в XVI—XVII веке, размер смоленских посадских дворов был очень велик. Ср. **Забелин И.** Домашний быт русских царей, с. 438—9.

179. **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. 14, 1666. № 2.

180. **Лизек.** с. 339—40.

181. **Герберштейн,** с. 108.

182. **Таннер,** с. 31. **Записки Де-ла-Невилля** о Московии 1689 г. Русская старина. 1891. IX, с. 427. **Voyages de Corneille le Brun** par la Moscovie, en Perse et aux Indes Orientales. II. Amsterd. 1718. p. 421.

183. **Немоевский,** с. 24, **Дела** приказа в. к. Смоленского. Кн. № 30. 1673, № 19.

184. **Немоевский**, с. 24. **Герберштейн**, с. 183. **Памятники Обороны**, № 47, с. 28 (1609 г.), № 107, с. 64.

185. **Памятники Обороны.** № 133, с. 77 (1609 г.). **Акты Исторические.** II. 417.

186. **Памятники Обороны.** № 133, с. 77.

187. **Мурзакевич.** Привилеи. № 5, с. 18—20 (1613 г.), № 7 с. 25 (1634 г.), № 12 с. 35—7 (1656 г.). **Любавский**, с. 372. Сады в Смоленске упоминаются уже в конце XV века. **Акты Западной Росии.** I, № 148, (1497 г.), с. 173. См. также **Памятники Обороны.** № 53, с. 32, № 94 с 50.

188. Стадо местское конское и животинное упоминается в привилее 1505 года. **Любавский**, с. 372. **Мурзакевич**, Привилеи № 5, с. 19 (1613 г.). Кроме посадских мельниц, стоявших на рр. Городне и Рачевке, на Городне стояла мельница смоленского епископа **Литовская Метрика** № 108, с. 103 (1633 г.). **Строганов**, Прил. с. XXXIII; на р. Кловке была расположена мельница и фольварк иезуитов. Там же № 99 **л.** 686—7 (1644 г.). **Строганов.** Прил. с. XX.

189. **Мурзакевич.** Привилеи № 13 с. 40—41 (1670 г.).

190. **Белов**, с. 26—70.

2011137201